Дивер Джеффри
Навсегда

«Вроде бы пожилые люди, а ведут себя, как дети».

Подстригая зеленую изгородь, садовник время от времени поглядывал на Сай и Дональда Бенсонов, которые сидели на качающемся шезлонге и пили шампанское. Пили и пили. Шампанского у них было много, это точно. К тому же они громко и заразительно смеялись.

«Как дети», — пренебрежительно хмыкнул он.

Но с толикой зависти. Нет, он не завидовал их богатству, он очень даже неплохо зарабатывал на здешних участках, владельцы которых богатством не уступали Бенсонам.

Нет, завидовал он другому: даже в таком возрасте они любили друг друга и были счастливы.

Садовник попытался вспомнить, когда в последний раз так же весело смеялся с женой. Десять лет назад, никак не меньше. А когда держался с ней за руки, как Бенсоны? Разве что только в первый год их совместной жизни.

Садовник закурил сигарету, продолжая наблюдать за сидящей на заднем крыльце парочкой. Они разлили остатки шампанского по бокалам и выпили. Потом Дональд наклонился к женщине, прошептал что-то ей на ушко, и она звонко рассмеялась, ответила мужу и поцеловала его в щеку.

Круто. А ведь глубокие старики. Обоим далеко за шестьдесят. Господи…

Супруги поставили на поднос грязные тарелки, пошли в кухню, все так же смеясь и переговариваясь, и закрыли за собой дверь.

Садовник отшвырнул окурок в траву и повернулся к зеленой изгороди.

Где-то неподалеку весело зачирикала какая-то птичка. Он совсем не разбирался в птичках, поэтому не мог сказать, кто именно порадовал его своим пением.

Но вот звук, долетевший до его ушей несколько секунд спустя, садовник узнал без ошибки, и звук этот заставил его застыть между алой и пурпурной азалиями. Выстрел, донесшийся из дома Бенсонов, прозвучал громко и отчетливо. А мгновением позже раздался второй.

Какое-то мгновение садовник неотрывно смотрел на громадный тюдоровский особняк, а потом уронил электрические ножницы и бросился к своему грузовику, в кабине которого оставил мобильник.

Округ Уэстбрук, штат Нью-Йорк, по существу, элегантный пригород города Нью-Йорка, то есть там много парков, штаб-квартир больших корпораций и минимум промышленности.

В прошлом году в этом довольно-таки спокойном округе органами охраны правопорядка зафиксированы 31 убийство, 107 изнасилований,

1423 ограбления, 1575 агрессивных нападений, 16955 мелких краж, 4130 угонов автомобилей, то есть на 100000 жителей пришлось 3223,3 преступлений или 3,22 процента так называемого «индекса преступности».

В этом году в округе Уэстбрук наметился явный рост преступности. Индекс уже приблизился к отметке 4,5 процента.

С этими фактами, и многими другими, касающимися повседневной жизни округа, мог ознакомиться любой желающий, и заслуга в этом принадлежала худощавому молодому человеку, черноглазому и черноволосому, сидевшему в своем маленьком кабинете на третьем этаже здания, которое занимало Управление шерифа округа Уэстбрук. На двери кабинета крепились две таблички с надписями:

«Детектив Толбот Симмс»

и

«Финансовые преступления.
Статистическая информация»

В то утро Тол Симмс сидел в своем безупречно чистом кабинете, изучая один из немногих предметов, портящих чистоту его стола: распечатку, свидетельствующую о махинациях с акциями, происходивших на расположенном неподалеку Манхэттене. Делом этим занимались Министерство юстиции и Комиссия по ценным бумагам, но какой-то аспект, относящийся к компетенции Управления шерифа, потребовал участия Тола.

Рассеянно поправив полосатый черно-бордовый галстук, Тол аккуратным почерком сделал пометку на распечатке, заметив несоответствие чисел. «Гм... — подумал он. — Вместо 0,588 должно быть 0,743. Мелочь, конечно, но очень важная. По этому поводу следует...»

Его рука дернулась от громогласного басовитого голоса за дверью: «Конечно же, это — самоубийство. И незачем тратить время».

Стирая появившуюся на полях распечатки лишнюю карандашную черточку, Тол увидел главу департамента расследования убийств, детектива Грега Ла Ту, который шел мимо столиков секретарей и коммуникационных кабинок, направляясь к своему кабинету, находившемуся аккурат напротив кабинета Тола. С громким стуком детектив бросил папку на свой стол.

— Что? — спросил кто-то. — Бенсоны?

— Да, они самые, — отозвался Ла Ту. — На Мидоуридж в Грили.

— Зарегистрировано как убийство.

— Черта с два! Садовник, работавший рядом, услышал пару выстрелов и позвонил. По вызову первым приехал какой-то слепой новичок из полицейского участка Грили.

— Слепой?

— Не иначе. Осмотрел место преступления и подумал, что их убили. Ну, почему местные ребята не могли застрять в пробке?

Как и всех в департаменте, Тола заинтересовало это двойное убийство. В Грили, практически закрытом для посторонних анклаве, никогда не совершалось двойных убийств.

Тол оторвался от распечатки и блокнота, вернул карандаш в стоящий на столе стаканчик, пересек открытое пространство отдела и переступил через порог кабинета Ла Ту.

— Значит, самоубийство? — спросил он.

Здоровяк-детектив кивнул в ответ.

— Это совершенно очевидно... Но мы послали экспертов, чтобы убедиться наверняка. Они нашли пороховой осадок на их руках. Сначала умерла она, потом — он.

— Как вы узнали?

— Он лежал на ней. Осталась записка, — продолжал Ла Ту. — И садовник говорит, что они пили шампанское, обнимались, целовались.

— Целовались?

— Старики. Со странностями, по его мнению. Вели себя, как подростки.

— Кстати, хочу тебя спросить, — перебил детектива Тол. — Ты заполнил вопросник?

— Вопросник? — переспросил Ла Ту. — А, твой вопросник. Понятно. Послушай, Тол, это всего лишь самоубийство.

— Тем не менее я бы хотел получить информацию.

— Для набора статистики, — ухмыльнулся Ла Ту.

— Да, — устало ответил Тол. — Как тебе хорошо известно...

На столе Ла Ту зазвонил телефон, и детектив схватил трубку.

— Что?.. Я не знаю, через пару дней, думаю, выясним, где его искать... Нет, поеду туда с подразделением спецназа. Хочу взять его лично... Когда?.. Ладно, дам тебе знать. — Он бросил трубку на рычаг и посмотрел на Тола. — И потом, я думал, тебе это не нужно, по самоубийствам ты статистику не собираешь. Я про твой вопросник. Его же нужно заполнять при убийствах.

— И все равно он будет полезен.

Ла Ту похлопал по многочисленным карманам своего кожаного пиджака.

— Черт, Тол, похоже, я его потерял. Вопросник. Извини. У тебя найдется еще один экземпляр? — Он схватил телефонный аппарат и набрал номер.

— Сейчас принесу. — Тол вернулся в свой кабинет, вытащил из папки вопросник и снова прошел к Ла Ту. Коп все еще говорил по телефону. Вскинув глаза, он кивнул Толу, и тот положил листок на стол.

Ла Ту безмолвно, одними губами поблагодарил его.

Тол, однако, не уходил из кабинета.

— Кто еще там был? — настойчиво спросил он.

— Что? — Ла Ту нахмурился, он не любил, когда его прерывают.

— Кто еще был на месте преступления?

— Где застрелились Бенсоны? Черт, я не знаю. Пожарные и спасатели. Этот мальчишка из полицейского участка Грили. Еще несколько парней. Не могу вспомнить. — И детектив снова сосредоточился на телефонном разговоре.

Тол вернулся к себе, не сомневаясь, что к настоящему моменту вопросник уже превращен в комок смятой бумаги и брошен в мусорную корзинку под столом Ла Ту.

Он позвонил в службу спасения и борьбы с пожарами, но не смог выяснить, кто же приезжал к Бенсонам. На какое-то время сдался и вновь занялся распечаткой котировок акций.

— Эй, босс! — В кабинет вошла Шелли, бойкая на язык секретарша Тола. — Наконец-то, получила досье Темплтона. Похоже, из Алабамы его везли на волах. Я еще раз позвонила в Комиссию по ценным бумагам, и они обещали, обещали, обещали, что пришлют нам... Эй, ты уходишь раньше? — Хмурясь, она посмотрела на часы, а Тол тем временем уже поднялся из-за стола, поправил узел галстука и надел тонкий темно-синий плащ.

— Есть одно дело.

На ее круглом лице, обрамленном светлыми локонами, отразилось любопытство, отчего Шелли сразу помолодела.

— Правда? Ты уверен? Вроде бы ты никуда не собирался.

— Только что появилось.

— Вернешься? — спросила Шелли.

Он ответил не сразу.

— Честно говоря, не уверен, — и направился к лифту.

Особняк с белыми колоннами на Мидоуридж стоил шесть, может, семь миллионов долларов. Тол поставил свою «хонду» позади черного седана, надеясь, что на нем приехал кто-нибудь из копов участка Грили, то есть человек, у которого он мог получить нужную ему информацию. По дорожке, выложенной каменными плитами, направился к крыльцу, поднялся по ступеням, обнаружил, что дверь не заперта. Вошел в дом, показал удостоверение мужчине в джинсах и свитере, ожидавшему адвоката Бенсонов, чтобы поговорить о продаже принадлежащей им собственности. Он ничего не знал ни о Бенсонах, ни об их смерти, разве что слышал о самоубийстве.

Мужчина вышел на крыльцо, оставив Тола одного.

Когда Тол миновал холл и оказался в просторных комнатах первого этажа, его вдруг охватило беспокойство. И ощущение это создавала не недавняя смерть хозяев, а сам дом, который, казалось, привыкал к тому, что осиротел. Тол оглядывал желто-розовую обивку мягкой мебели, яркие абстрактные полотна на стенах, расписанный золотом фарфор, бокалы и стаканы, коллекцию хрустальных зверюшек, керамику из

Марокко, уставленные книгами полки, фотографии в рамках на стенах и каминной доске. Две пары стоптанных шлепанцев, судя по размеру, мужские и женские, стояли у кухонной двери. Шагая по комнатам, он чувствовал, что это — не просто дом, а что-то родное, уютное, близкое. И сам факт, что хозяева такого дома застрелились, не укладывался в сознание.

Тол заметил листок бумаги, придавленный хрустальной вазой, а когда прочитал, на лице его отразилось удивление:

> «Нашим друзьям!
>
> Мы принемаем это решение, ощущая сердцем глубокую удавлетворенность, радуюсь осознанию того, что мы навсегда останемся друг с другом».

Записку подписали Сай и Дон Бенсоны. Еще пару мгновений Тол смотрел на слова, потом направился к кабинету, огороженному желтой лентой, и остановился, как вкопанный.

Кровь.

На диване, на ковре, на стене.

Он буквально видел, где находились супруги в момент смерти: кровь ему все объяснила.

Тол вернулся в гостиную и решил, насколько возможно, заполнить свой вопросник. Усевшись на диван, взял с кофейного столика книгу, чтобы подложить под вопросник, и машинально прочитал название: «Последнее путешествие: полный справочник по самоубийству и эвтаназии».

Он вернул книгу на место, решив соорудить стол на коленях из пары журналов. Начал заполнять вопросник, но прервался, потому что открылась входная дверь. Послышались приближающиеся шаги, мгновением позже в гостиную вошел дородный мужчина в дорогом костюме. Нахмурившись, он смотрел на Тола.

— Управление шерифа. — Тол протянул мужчине удостоверение, которое тот внимательно изучил.

— Я — их адвокат. Джордж Метцер. — Мужчина говорил медленно, случившееся определенно потрясло его. — Это — ужасно. Мне кто-то позвонил из вашего управления. То есть трубку взяла моя секретарша... Хотите взглянуть на мое удостоверение?

Тол сообразил, что коп первым делом попросил бы адвоката показать документы, удостоверяющие его личность, и произнес:

— Пожалуйста. — Взглянул в водительское удостоверение, кивнул, потом его взгляд вернулся к двери в кабинет. Кровавые пятна напоминали коричневый ламинат на дешевой мебели.

— Они оставили предсмертную записку? — спросил адвокат, убирая бумажник в карман.

Тол прошел в столовую и указал на записку.

Адвокат прочитал ее, вновь покачал головой. Заглянул в кабинет и моргнул, увидев кровь.

Тол показал Метцеру вопросник.

— Могу я задать вам несколько вопросов? Для нашей статистической службы? Вопросы — анонимные. Никаких фамилий.

— Конечно.

Тол начал спрашивать адвоката о супругах. Удивился, узнав, что им еще не было семидесяти.

— Дети?

— Нет, вообще никаких близких родственников. Несколько кузенов, которых они никогда не видели. Я хочу сказать, не встречались с ними много лет. Зато друзей — хоть отбавляй. Они все будут в шоке.

— Вы можете предположить, чем вызвано принятое ими решение? — спросил Тол.

— Я точно знаю, — ответил Метцер. — Болезнь Дона.

Тол посмотрел на записку, обратил внимание, что рука у того, кто ее писал, дрожала, а некоторые из слов написаны с ошибками. Ла Ту говорил о том, что они выпивали, но Тол помнил о плетеной корзинке с лекарствами, которую заметил на кухне.

— Частичный паралич? Неврологическое заболевание?

— Нет, — покачал головой адвокат, — проблемы с сердцем. Очень серьезные.

— А жена не болела?

— Нет, Сай на здоровье не жаловалась. Но они так любили друг друга. До самозабвения. Вот она, должно быть, и решила, что не хочет жить без него.

— У него была смертельная болезнь?

— Если исходить из того, что он мне рассказывал, нет, — ответил адвокат. — Но, возможно, до конца жизни он оставался бы прикованным к постели. Я сомневаюсь, чтобы Дон смог так жить. Он был таким активным.

Тол подписал вопросник и убрал его в карман.

Дородный мужчина тяжело вздохнул.

— Мне следовало догадаться об их намерениях. Они приходили ко мне пару недель назад, внесли кое-какие изменения в завещание, оставили инструкции касательно мемориальной службы. Я думал, все потому, что Дону предстояла операция. Сами знаете, под ножом хирурга всякое может случиться... Но надо было читать между строк. Готов спорить, к тому моменту они уже все спланировали. Знаете, какой они задумали мемориальную службу? Верующими они не были, поэтому хотели, чтобы их кремировали, с тем, чтобы потом в клубе на большую вечеринку собрались друзья и, как следует выпив, закусив и повеселившись, отправились бы на поле для гольфа и рассеяли их прах на зеленой травке вокруг восемнадцатой лунки. — Адвокат вновь помрачнел. — Я и представить себе не мог, что они такое задумали.

Понимаете, они выглядели такими счастливыми. Пьяными от жизни, что ли… Извините, мне нужно поговорить с тем парнем, что ждет за дверью. Вот моя визитка. Позвоните, если возникнут вопросы, детектив.

Тол вновь прошелся по дому. Ни в одной из комнат не обнаружилось ничего необычного.

За исключением мятущихся душ, оставшихся после двух людей, которые были живы еще утром этого дня, но теперь, увы, покинули этот мир.

Тол Симмс, математик, ученый-практик, статистик, не мог согласиться с их присутствием. Но и безо всяких душ его не отпускала тревога. Тусклые пятна крови лишали этот дом привычного уюта, справляясь с этим не хуже любого призрака.

В половине седьмого вечера Тол с заполненным вопросником вернулся в свой кабинет. Ввел собранную информацию в базу данных, сам вопросник положил в папку с документами, подготовленными на подшивку, затем вышел в интернет и прочитал короткий официальный рапорт по самоубийству Бенсонов.

— Эй, босс! — В кабинет неожиданно вошла Шелли. — Я думала, ты ушел.

— Захотел кое-что доделать.

— Я получила то, что тебе требовалось.

Он посмотрел на папку: «Приложение к отчету по делу 04-5432 Комиссии по ценным бумагам» и рассеянно ответил:

— Благодарю.

— Пустяки. Тебе что-нибудь еще нужно?

— Нет, иди домой… Доброй ночи. — Вдруг он остановил ее. — Подожди, Шелл. Ты когда-нибудь имела дело с группой осмотра места преступления?

— Нет. Билл любит смотреть полицейские сериалы, эти ребята там — на первом плане.

— Знаешь, что нужно сделать, чтобы они обследовали дом?

— Дом?

— Где произошло самоубийство. Дом Бенсонов в Грили.

— Са…

— Самоубийство. Я хочу, чтобы группа осмотра места преступления провела полное обследование дома. Пока они установили только наличие порохового осадка, а дом не трогали. Но я не знаю, как это делается.

— Что-то не так?

— Я тут кое-что посмотрел, — объяснил Тол. — Концы с концами не сходятся. Мне кажется, там что-то не так.

— Я позвоню. Ингрид вроде бы еще не ушла.

Шелли вернулась за свой стол, а Тол откинулся на спинку стула.

Красные солнечные лучи, падающие на белую стену, напомнили ему о крови на стенах, диване, ковре в доме Бенсонов. Перед мысленным

взором возникла записка, буквы, написанные трясущейся рукой: «…навсегда останемся…»

В дверях появилась Шелли.

— Извини, босс. Они говорят, для двадцать один двадцать четыре слишком поздно.

— Для?

— Так они сказали. Нужно прислать форму двадцать один двадцать четыре для того, чтобы группа осмотра приступила к работе. Но ты этого сделать не можешь.

— Почему?

— Там уже все затоптали. Тебе нужно было вызвать их сразу, а теперь требуется личное распоряжение шерифа.

В Гамильтоне, штат Нью-Йорк, проживали образованные, воспитанные, сдержанные люди, активно работающие в сфере политики и искусства. И бизнеса тоже. Гамильтон они выбрали для проживания потому, что из всех практически закрытых для посторонних поселков Уэстбрука, этот располагался ближе всех к Манхэттену.

Тупик Монтгомери-уэй стал домом для двух банкиров, одного адвоката и одной пожилой семейной пары. Эта пара прожила здесь более двадцати пяти лет. Огромный тюдоровский особняк, площадью в тысячу квадратных футов, высился на ухоженном пятиакровом участке.

Рабочие будни для четы Уитли остались в прошлом, и теперь они наслаждались комфортабельной жизнью обеспеченных до конца своих дней пенсионеров.

Вот и в этот вечер Элизабет положила трубку на рычаг, закончив разговор с дочерью Сандрой, и перенесла оставшиеся после обеда тарелки в раковину. Налила стакан водки с тоником. Вышла во внутренний дворик, посмотрела на сгущающиеся сумерки и пригубила стакан.

А затем задалась вопросом — куда же поехал Сэм? После обеда он сказал, что ему нужно забрать какую-то вещь. Обычно она ездила с ним: боялась, что внезапно откажет сердце, или под действием лекарств он может потерять сознание за рулем и слететь с дороги. Но он настоял на том, чтобы она осталась дома, так как собирался отъехать всего на несколько миль.

Логика подсказывала Элизабет, что повод для волнений у нее имеется. Но она чувствовала себя такой счастливой, такой умиротворенной. Да и чем она могла тревожиться?

В это воскресенье, около семи вечера, Тол сидел в своей маленькой библиотеке, забитой книгами. За этот уикенд он переделал много мелких дел, прибрался в доме, помыл автомобиль, позвонил отцу в Чикаго, пообедал с семейной парой, которая жила по соседству, а сейчас размышлял над одним математическим доказательством.

Он склонился над аккуратными строчками расчетов, гадая, вероятные совершенные числа — миф, или они все-таки реальны и

только ждут, когда же их откроют, прячутся где-то в численном ряду, уходящем в бесконечность.

Мысль эта чем-то взволновала его, и Тол откинулся на спинку стула. Потребовались какие-то мгновения, чтобы он понял, в чем дело. Мысли о бесконечности напомнили о предсмертной записке, которую оставили Сай и Дон Бенсоны.

«Останемся навсегда...»

Перед его мысленным взором возникла комната, где они умерли, кровь, справочник, купленный ими, от одного вида которого по коже пробегал холодок. «Последнее путешествие...»

Тол поднялся и прошелся по кабинету. Что-то не так. Впервые за несколько лет он решил вернуться в офис воскресным вечером. Хотелось посмотреть, какая еще информация есть по таким вот самоубийствам.

Полчаса спустя он уже проходил мимо удивленного охранника, который поначалу его и не признал.

— Офицер...

— Детектив Симмс.

— Точно. Извините, сэр.

Десять минут спустя Тол сидел в кабинете, за компьютером, выводил на экран информацию о самоубийствах в округе Уэстбрук. Поначалу раздражался из-за того, что пришлось прервать математические занятия, но скоро с головой ушел в мир других чисел, показывающих, сколько жителей округа Уэстбрук решили свести счеты с жизнью.

Сэм Уитли появился из кухни с бутылкой старого «Арманьяка» и присоединился к Элизабет в гостиной.

Элизабет наклонилась вперед, зажгла ароматизированную ванилью свечу, которая стояла на столе перед ней. Заметила бутылку в руках мужа и рассмеялась.

— Что такое? — спросил Сэм.

— Я читала рекомендации, оставленные тебе врачом.

Он кивнул.

— Там сказано, что вино в умеренных количествах тебе не повредит.

— Я это тоже читал.

— Тебе следует выпивать по стакану или два каждый день. Но коньяка в списке не было.

Рассмеялся и Сэм.

— Я чувствую, что жить нужно, как хочется. — Он ловко открыл бутылку.

— Это у тебя всегда хорошо получалось, — заметила Элизабет.

— У меня никогда не было особых талантов... только нужные навыки. — Сэм протянул ей стаканчик с жидкостью цвета меда, наполнил свой.

— Так что ты привез? — Элизабет показала на выпирающий наружный карман пиджака спортивного покроя, который Сэм всегда

надевал по воскресеньям в холодную погоду.

— Сюрприз.

— Правда? Какой же?

— Закрой глаза. Готова?

— Да, я готова.

— Хорошо. Оп-ля!

Раздалось звяканье металла, и Элизабет почувствовала что-то в своей руке. Открыв глаза, она рассмеялась, увидев, что это — кольцо с двумя ключами, каждый с логотипом «MG».

— Господи, неужели это… Ты… ты его нашел? Где?

— Ты не поверишь, но у дилера, торгующего импортными автомобилями. Его салон находится в двух милях от нашего дома. Модель пятьдесят четвертого года. Он позвонил месяц назад, но ему потребовалось время, чтобы довести автомобиль до кондиции.

— Так вот что означали эти загадочные телефонные разговоры. Я уже начала подозревать, что ты завел любовницу, — пошутила Элизабет.

— Цвет, правда, не такой. Темно-красный, как бургундское.

— Как будто это имеет значение, сладенький.

Первым автомобилем, который они купили, поженившись, был красный «MG». Они проездили на нем десять лет, пока автомобиль не развалился. И если подруги Лиз покупали «лексусы» и «мерседесы», она отказывалась следовать их примеру, оставаясь верной «кадиллаку» и мечтая о старом «MG», таком же, как их первый автомобиль.

Элизабет положила руки ему на плечи и потянулась, чтобы поцеловать мужа.

Фары приближающегося автомобиля осветили их через окно.

— Попались, — прошептала она. — Совсем как на нашем первом свидании, когда отец вернулся домой. Помнишь? — И весело рассмеялась.

Тол Симмс внимательно изучал подробности самоубийства, делая пометки в блокноте, когда ожил динамик, связанный с линией 911.

— Всем патрульным экипажам в окрестностях Гамильтона. Сообщение о возможном самоубийстве.

Тол окаменел. Потом отодвинул стул, поднялся из-за стола, глядя на динамик. Голос не умолкал.

— Сосед докладывает, что в закрытом гараже дома 205 по Монтгомери-уэй работает двигатель автомобиля. Патрульные экипажи, находящиеся в этом районе, проверьте, что там такое.

Тол еще мгновение смотрел на динамик, а потом выбежал из кабинета.

Его серый седан не вписался в последний поворот длинной подъездной дороги к дому Уитли, скатился с асфальта и снес клумбу с цветущими азалиями.

По инерции автомобиль вынесло к парадной двери. Тол поморщился, подумав о нанесенном уроне, и выскочил из машины. Двое

полицейских и два фельдшера подскочили к нему, а потом все вместе побежали к воротам гаража. Пахло выхлопными газами, он слышал, что внутри работает двигатель.

Пока коп барабанил в ворота, Тол заметил записку, липкой лентой прикрепленную к стене.

> «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Гараж заполнен опасными для жизьни выхлопными газами. Мы оставили пульт дистансионного управления на земле перед цветочным горшком. Пожалуйста, откройте ворота и проветрите гараж, прежде чем заходить».

— Нет! — Тол выронил записку и поспешил к воротам, запертым изнутри. В темноте они не смогли быстро найти пульт, так что, пожарный с топором подбежал к боковой двери и вышиб ее одним ударом.

Но они опоздали.

Не успели спасти ни его, ни ее.

Вновь двойное самоубийство. Муж и жена.

Сэмюэль и Элизабет Уитли находились в гараже, сидели в старинном спортивном автомобиле марки «MG». Пока один полицейский выключал двигатель, а пожарные пытались проветрить гараж, фельдшеры вытащили мужа и жену из автомобиля и положили на асфальт подъездной дороги. Их попытки оживить стариков оказались тщетными. Супруги провели основательную подготовку. Закупорили и заклеили изоляционной лентой все щели, опустили жалюзи, так что, снаружи никто не мог увидеть, что творится в гараже, и попытаться помешать им свести счеты с жизнью. И только шум работающего двигателя насторожил соседа, прогуливающего собаку, вот он и поднял тревогу.

Тол, окаменев, смотрел на покойников. На этот раз обошлось без крови, но смерть супругов произвела на него столь же ужасное впечатление. Он смотрел на тела и думал о записке, легкости тона, стремлении не причинить вред другим людям, усилиях по герметизации гаража. Не укрылись от него и орфографические ошибки, как и в предсмертной записке Бенсонов: «жизьни», «дистансионного».

Опрос соседей ничего не дал. Никто ничего не видел.

Полицейские осмотрели дом, чтобы убедиться, что внутри никого нет. Тол тоже зашел и остановился, почувствовав сильный запах. Потом понял, что пахнет не выхлопными газами, а дымом из камина. Его взгляд упал на два стаканчика для бренди, пыльную бутылку на столике перед диваном. Они пили, сидя перед камином, а потом умерли.

— Есть кто-нибудь в доме? — спросил он копов, когда те вернулись к парадной двери.

— Нет, пусто. Никогда не видел такого чистого дома. Нигде — ни

пылинки. Непонятно, зачем прибираться перед тем, как покончить с собой.

На кухне они нашли еще одну записку, написанную тем же почерком.

> «Нашим друзьям и родственникам.
>
> Мы делаем это с радостью в наших сердцах и с любовью ко всем членам нашей семьи и к тем, кого мы знаем. Не печальтесь, мы никогда не чувствовали себя более счастливыми».

Заканчивалась записка именем, адресом и телефонным номером их адвоката. Тол достал из кармана мобильник и позвонил по указанному номеру.

— Алле?

— Мистера Уэллса, пожалуйста. Говорит детектив Симмс из окружного полицейского управления.

Пауза.

— Да, сэр?

Теперь помолчал Тол.

— Мистер Уэллс?

— Совершенно верно.

— Вы — адвокат Уитли?

— Да. А в чем дело?

Тол набрал полную грудь воздуха.

— К сожалению, должен сообщить вам, что они… ушли из жизни. Самоубийство. Мы нашли ваше имя в их предсмертной записке.

— Господи, нет… Что случилось?

— Вы хотели спросить, как и где? В гараже. В их автомобиле.

— Когда?

— Этим вечером или чуть раньше.

— Нет!.. Они вместе? Не может быть!

— К сожалению, это так.

Последовала долгая пауза. Наконец, адвокат, несомненно, потрясенный, прошептал: «Мне следовало догадаться».

— Почему? Они об этом говорили?

— Нет, нет. Но Сэм болел.

— Болел?

— Сердце. Грозило вот-вот отказать.

Как у Дона Бенсона. Еще одна сходная черта.

— А его жена? Она тоже болела?

— Элизабет? Нет. Она на здоровье не жаловалась… Дочь знает?

— У них есть дочь?

— Она живет в этом же районе. Я ей позвоню. За это мне и платят… Благодарю вас, детектив… Повторите, пожалуйста, вашу фамилию.

— Симмс.

— Благодарю вас, — повторил адвокат.

Тол убрал мобильник и медленно двинулся из комнаты в комнату. Дом, как у Бенсонов — богатство в сочетании со вкусом. Только чувствовалось, что у Уитли денег было побольше.

Он долго смотрел на фотографии на стене. Многие запечатлели симпатичную маленькую девочку, которая постепенно превращалась в красивую молодую женщину.

Тол порадовался, что звонок дочери адвокат взял на себя. Прошел на кухню. Никаких календарей. Никаких намеков на то, что они намеревались покончить с собой.

Вновь посмотрел на записку.

«… с радостью… более счастливыми ».

Рядом лежала другая бумажка. Он взглянул на нее и нахмурился. Любопытно. Чек на покупку отреставрированного автомобиля «MG». Задаток Уитли внес заранее, но только сегодня оплатил полную стоимость.

Тол вернулся к гаражу, но не смог сразу заставить себя войти. Однако собрал волю в кулак и вошел, стараясь не видеть тела, накрытые брезентом. Посмотрел на номерной знак. Тот самый, что и на чеке. Уитли купил дорогой, отреставрированный автомобиль, приехал на нем домой и тут же покончил с собой.

Почему?

Тол вернулся в дом и вдруг замер посередине гостиной, потому что заметил кое-что знакомое. Подойдя к столу, взял в руки книгу. «Последнее путешествие…»

Та же, что и у Бенсонов.

Слишком много общего. Справочник для самоубийц, опасная, но не обязательно смертельная болезнь сердца у мужа, одновременная смерть супруги.

— Что вы собираетесь делать с телами? — спросил Тол у одного из двух мужчин, которые приехали из похоронного бюро.

— Мы получили указание кремировать их как можно быстрее.

— Можете задержать кремацию?

— Задержать? — удивленно переспросил мужчина. — Ради чего?

— Надо провести вскрытие.

— Вы из Управления, поэтому вы — босс. Но этого недостаточно. Если нужно вскрытие, вы должны дать команду на двадцать один двадцать четыре, — объяснил стоявший в комнате детектив.

Оставалось только понять, что же это значило.

— Хорошо. Даю команду на двадцать один-двадцать четыре, — бросил Тол.

— Двадцать один двадцать четыре, — многозначительно повторил детектив. — Вы уверены? — и в недоумении посмотрел на сотрудника похоронного бюро, который, похоже, знал об этом чертовом 2124

больше, чем Тол.

Статистик выглянул в окно и увидел, что второй мужчина, приехавший из похоронного бюро, выкатил из катафалка тележку и направляется к телам.

— Да, — твердо ответил он и постучал в стекло, чтобы привлечь внимание мужчины с тележкой и остановить его.

Наутро, в понедельник, Тол увидел, как руководитель группы осмотра места преступления вошел в детективный отдел и направился к кабинету Ла Ту. В руках он держал полдюжины папок.

У Тола возникло предчувствие, что все это как-то связано с происшедшим в доме Уитли, и он выскочил из кабинета, чтобы перехватить главного эксперта.

— Доброе утро. Вы по делу Уитли?

— Да. Это всего лишь предварительные результаты, но их просили принести побыстрее. Грег на месте? Ла Ту?

— Думаю, это для меня.

— Вы...

— Симмс.

— Ах, да, — мужчина взглянул на сопроводиловку. — Я не заметил. Думал, это для Ла Ту. Все-таки он руководит расследованием убийств.

Как выяснилось, команда 2124 отдавалась, когда возникали подозрения, что смерть насильственная. Словно кнопка пожарной тревоги, эта команда запускала механизм экспертизы. Группа осмотра выезжала на место преступления, собирала улики, проводила поиск отпечатков пальцев, фото- и видеосъемку места преступления, определялась с местом и временем проведения вскрытия и ставила в известность прокуратуру о проведении расследования убийства. За пять лет работы в Управлении шерифа Толу никогда так часто не звонили, как в этот понедельник.

— Вы говорите, это — предварительные результаты? — спросил Тол руководителя группы осмотра. — А чего еще вы ждете?

— Фотографии, экспертизу почерка, результатов вскрытия. Послушайте, меня раздирает любопытство. Что вы нашли там подозрительного? По мне, это — классическое самоубийство.

— Есть зацепки.

— Зацепки. Ага. Определились с подозреваемым?

— Пока нет.

— Понятно. Ладно, тогда удачи вам. Она не помешает.

Вернувшись в кабинет, Тол аккуратно сложил распечатки, с которыми работал, и убрал их. Открыл папки ГОМП. Разложил их содержимое по столу и принялся тщательно анализировать предварительные результаты, полученные группой осмотра места преступления. Начал с фотографий тел супругов Уитли — четких, цветных, вызывавших неприятные ощущения в желудке, и решил, что нет доказательств того, что Уитли заставили сесть в автомобиль, или они

с кем-то боролись.

Тол отложил фотографии в сторону и взялся за документы. Признаков взлома не обнаружилось, хотя передняя дверь не была заперта, поэтому в дом могли просто войти. Но, раз следов насилия обнаружить не удалось, такое казалось маловероятным. Опять же, драгоценности, наличные деньги, ценные вещи были не тронуты.

Впрочем, одна из находок указывала, что не все так просто. На обоих записках, помимо отпечатков пальцев Сэма Уитли, Тола и полицейских, обнаружились пятна, оставленные руками в перчатках или пальцами, прикрытыми материей или бумагой. Перчаточные отпечатки эксперты нашли также и в кабинете, где супруги в последний раз в жизни выпили коньяк, и в комнате, где осталась записка, и в гараже. Однако не представлялось возможным определить, когда появились эти отпечатки, до или после смерти.

«Перчатки? — повторил про себя Тол. — Любопытно».

Эксперты обнаружили также свежие следы шин на подъездной дороге. Рисунком протектор отличался от протекторов «MG» и других машин, принадлежащих Уитли, а также автомобилей полиции, медиков, похоронного бюро. В заключении указывалось, что автомобиль подъезжал к дому менее, чем за три часа до смерти. Следы были слишком нечеткие, чтобы определить марку шин, но колесная база указывала, что автомобиль был маленький.

Принес результаты и поиск вещественных улик: на теле Элизабет Уитли и на диване в гостиной обнаружились белые хлопковые нити, которые не подходили к одежде покойных, ни к той, что была на них, ни к той, что висела в шкафах. Инвентаризация лекарств в аптечных шкафчиках и на кухне выявила отсутствие антидепрессантов, которые могли бы, хотя бы косвенно, указать на то, что в последнее время супругов посещали мысли о самоубийстве.

Тол поднялся, открыл дверь и позвал Шелли.

— Привет, босс. Утро выдалось бурным, не так ли?

— У меня к тебе просьба.

— Ты не заболел? У тебя такой усталый вид.

— Нет, нет, все отлично. Просто много работы по этому делу.

— Какому делу?

— Самоубийству.

— Ага. А какое…

— Мне нужно выяснить, покупал ли кто-нибудь книгу, которая называется «Последнее путешествие». Там еще есть подзаголовок… что-то насчет самоубийства и эвтаназии.

— Книга. Конечно.

— Название я точно не помню. Но начиналось оно то ли с «Путешествия», то ли с «Последнего путешествия».

— Хорошо. И мне нужно проверить…

— Покупал ли кто-нибудь эту книгу.

— Везде? Мне представляется, это…

— Для начала, только в округе Уэстбрук. За последние две недели. Во всех его книжных магазинах. И через интернет — в самом большом магазине, Буксос точка ком.

— Послушай, а когда я буду звонить, мне косить под полицию?

Он замялся с ответом.

— Черт, конечно. Если хочешь, представляйся детективом.

— Точно, — воскликнула она. — Детектив Шелли Бингэм.

— А если они ни одной такой книги не продали, оставь им мои координаты, чтобы они позвонили мне, как только продадут.

— Нам нужен ордер или что-то в этом роде? — спросила Шелли.

— Г-м-м. Не знаю. Давай попробуем обойтись без ордера и посмотрим, как они отреагируют.

Пять минут спустя Тол почувствовал упавшую на него тень и поднял голову. Едва ли не весь дверной проем занимала могучая фигура капитана Рональда Демпси, в неизменной полосатой рубашке, с неизменно закатанными рукавами. На круглом лице капитана играла улыбка. Но в голове Тола мелькнула мысль: «Я уволен».

— Доброе утро, капитан.

— Привет, Тол. — Демпси привалился к дверному косяку и оглядел заваленный бумагами стол. — Есть минутка?

— Конечно.

Тол понимал, что начальство обязательно узнает про 2124, и собирался в скором времени сам поговорить об этом с Демпси. Но хотел подождать, пока не появятся улики, подтверждающие, что с самоубийством не все чисто.

— Мне тут сказали насчет двадцать один двадцать четыре в доме Уитли.

— Да, конечно.

— А в чем дело?

Тол рассказал об одинаковых особенностях двух групповых самоубийств.

Демпси кивнул.

— Вполне возможно, это — совпадение. Но знаешь, Тол, у нас не так много ресурсов для широкого расследования. Скажем, в нашем распоряжении — только одна группа осмотра места преступления.

— Я этого не знал.

— Прошлой ночью была перестрелка в «Роллинг-Хиллс эстейтс». Двое тяжело ранены, один убит. И группа задержалась с выездом, потому что ты вызвал их в Гамильтон.

— Сожалею об этом, капитан.

— И это — дорогое удовольствие. Выезд ГОМП.

— Дорогое? Я об этом не подумал.

— Речь идет о тысячах долларов. Группа выставляет счет за каждый чих и посылает нам всякий раз, когда выезжает по нашему вызову.

Потом — лабораторные исследования и вскрытия. Оплата работы медицинских экспертов. Ты знаешь, сколько стоит вскрытие?

— Они присылают счета нам? — Тол не верил своим ушам.

— Чем больше денег мы экономим для округа, тем лучше, знаешь ли, выглядим в глазах законодателей и администрации.

— Ясно. Я понимаю, это — дорогое удовольствие.

— Будь уверен. — Улыбка исчезла, капитан поправил рукава. — И еще, вот как я об этом узнал: мне позвонила их дочь. Сандра Уитли. Она уже занималась похоронами и тут услышала о вскрытии. Она просто вне себя от ярости. Угрожает подать на нас в суд… Мне придется отвечать на вопросы. Поэтому объясни, Тол, что именно заставило тебя вызвать группу осмотра?

Тол оглядел бумаги на столе, не зная, с чего начать.

— Ну, основания для этого есть. Они только что принесли…

— Подожди. — Капитан высунулся в коридор и крикнул: — Ла Ту! Эй, Ла Ту!

— Что? — послышался знакомый рокочущий бас.

— Зайти сюда. Я — у Симмса.

Красное лицо возникло в дверном проеме. Не обращая никакого внимания на Тола, Ла Ту выслушал рассказ капитана о самоубийстве Уитли.

— Еще одно, значит?

— Тол отдал команду двадцать один двадцать четыре.

Детектив, ведающий расследованиями убийств, кивнул.

— Понятно. Почему?

Вопрос адресовался Демпси, но тот повернулся к Толу.

— Я прочитал отчет о самоубийстве Бенсонов, а потом поднял статистику самоубийств по округу Уэстбрук. И если вы посмотрите на все показатели… — начал объяснять Тол.

— Показатели? — переспросил Ла Ту с таким видом, будто в рот попал песок.

— Да. Показатели смерти Бенсонов, то увидите, что они выпадают из стандартного диапазона. Их смерти — выброс.

— Выброс? Это еще что такое?

Тол сказал, что в статистике выброс — событие, существенно отличающееся от группы аналогичных событий в той же категории, и привел конкретный пример.

— Скажем, вы анализируете пять убийц. Три преступника убили по одной жертве, один — двух, а последний — серийный убийца, убивший двадцать человек. Чтобы придти к каким-нибудь значимым выводам, вам необходимо отнести серийного убийцу к выбросам и анализировать его отдельно. В противном случае, ваш анализ будет математически правильным, но уведет вас в сторону от истины. Если брать всех пятерых, то получится, что, в среднем, число жертв на каждого равняется пяти. Понимаете, о чем я?

Мрачное лицо Ла Ту говорило о том, что он ничего не понимает. Но вопрос он задал по делу:

— Ты хочешь сказать, что эти два самоубийства отличаются от большинства самоубийств в Уэстбруке?

— Существенно отличаются. Менее шести процентов жителей сводят счеты с жизнью, узнав, что у них — смертельная болезнь. Это число падает до двух и шести десятых процента, если у человека есть медицинская страховка, и до девяти десятых процента, если состояние человека превышает миллион долларов. Эти цифры еще больше уменьшаются, если жертвы состоят в браке и находятся в относительно молодом возрасте, от шестидесяти пяти до семидесяти пяти лет. А двойная смерть составляет только два процента от самоубийств в масштабах всей страны и девяносто один процент из тех, кто уходит из жизни в паре моложе двадцати одного года... Отсюда, какова, по-вашему, вероятность того, что двое мужчин с больным сердцем покончат жизнь самоубийством вместе со своими женами в течение двух дней?

— Скажу честно, не знаю, Тол, — ответил Ла Ту. — Что еще у тебя есть? В смысле, подозрительного.

— Уитли в тот же день купил и привез новый автомобиль. Редкую, антикварную модель «MG». Зачем это делать, если они собрались покончить с собой?

Ла Ту не замедлил с ответом.

— Им требовалось орудие убийства. Они не хотели воспользоваться пистолетом. Возможно, этот «MG» что-то для них значил. Привет из далекого прошлого, когда они были молодыми. Они хотели умереть в этом автомобиле.

— Да, — добавил Ла Ту, — не забудьте еще и про перчатки, волокна, шины и пятна на записках.

— Я думаю, кто-то был в доме в то время, когда они наложили на себя руки. Или вскоре после этого, — вставил Тол.

— Дай посмотреть, — попросил Ла Ту.

Тол передал ему заключения экспертов. Здоровяк-детектив все внимательно прочитал и покачал головой.

— Ничего не вижу. Нет доказательств взлома или борьбы... Записка? Выглядит, как настоящая. Разумеется, надо дождаться почерковедческой экспертизы. — Он сдвинул предсмертную записку и корешок чековой книжки Уитли. Почерки не отличались. — Пятна от перчаток на бумаге? Мы это видим на каждом листке, который находим на месте преступления. Да половина пятен выглядит, как размазанные отпечатки пальцев. Пятна могли появиться еще на фабрике, где эту бумагу изготавливали. Или горничная при уборке могла перекладывать эти листки с полки на полку. Волокна? — Ла Ту наклонился и снял крохотную белую ворсинку с пиджака Тола. — Такие же нашла и группа осмотра. Хлопковый ворс. Постоянно вижу на одежде. Волокна в доме

Уитли могли взяться откуда угодно. Даже с твоего костюма. Перчатки и следы протектора? Обычные кухонные перчатки «Плейтекс». Эти пятна мне знакомы. Преступники такими не пользуются, потому что на них можно выйти по рисунку ткани... — Он указал на чековую книжку. — Посмотри на чек, который вчера выписала жена. «Эсмеральде Констанцо. За услуги по уборке». Горничная побывала в доме, прибралась, работала в перчатках, может, даже поправила или переложила стопку писчей бумаги, лист которой они использовали для предсмертной записки, и оставила пятна. Следы протектора? Судя по колесной базе, импортная малолитражка. На таких обычно и ездят приходящие горничные. Это — следы автомобиля Констанцо. Готов поспорить на любые деньги.

И хотя Толу не нравился вывод, к которому его подводили, анализ Ла Ту произвел впечатление. Детективу хватило буквально трех минут, чтобы прийти ко всем этим умозаключениям, абсолютно логичным умозаключениям.

— Должен заняться другим расследованием, — пробурчал Ла Ту, бросил бумаги на стол Тола и вышел из кабинета.

Тишину, повисшую после его ухода, нарушил Демпси.

— Слушай, я знаю, что тебе не удается заняться оперативной работой. Должно быть, это раздражает, сидеть с утра до вечера в кабинете, не занимаясь... ты понимаешь... У нас у всех иногда возникает такое чувство. Честное слово. Но далеко не всегда убийцу находят оперативники. Такое бывает только в кино. У тебя лучше всего получается то, чем ты занимаешься, Тол. Ты — прирожденный статистик. И это — тяжелая работа. Важная работа. Давай смотреть правде в лицо... Такие парни, как Грег, не узнают цифру, даже если она прыгнет на них и даст пинка под зад. У тебя — особый талант.

Тол выдавил из себя слабую улыбку, призванную скрыть охватившую его злость. Эту речь капитан почерпнул из руководства по подготовке менеджеров. Только подставил слово «статистик» вместо «секретаря» или «регистратора».

— Ладно, полагаю, тебе пора браться за твои числа. Скоро полугодовое совещание по подведению итогов, и никто не может свести их в единый отчет лучше тебя.

В понедельник вечером поездка к дому Уитли заняла у Тола гораздо больше времени, чем в воскресенье, прежде всего потому, что на этот раз он вел автомобиль, как всегда: выдерживая скоростной режим, держась середины полосы и, само собой, пристегнувшись ремнем безопасности.

Тяжело вздохнув при виде полностью раздавленного куста азалии, Тол припарковался перед домом и поднырнул под желтую, ограждающую место преступления ленту. Вошел в дом и уже там надел тонкие резиновые перчатки, которые купил по дороге в аптечном магазине.

Записные книжки, ежедневники, квитанции, письма, стопки писчей

бумаги, визитные карточки адвокатов, ремонтников, ресторанов, финансовых консультантов, бухгалтеров. По спине Тола пробежал холодок, когда он прочитал название одной из организаций: «Фонд альтернативного лечения «Лотос», — свидетельство отчаяния здравомыслящих людей, испуганных перспективой надвигающейся смерти.

Скрипнула половица, что-то звякнуло, и Тол вздрогнул. Он припарковался перед домом, поэтому вновь прибывший знал о том, что он здесь. Тол огляделся в поисках чего-нибудь увесистого, чем мог бы защитить себя.

Шаги приближались, ковер глушил их, но незваного гостя выдавало поскрипывание старых половиц.

«Можно спрятаться под кроватью, — решил Тол, — но это — не лучший выход. Побег, оно надежнее».

Через окно. Тол распахнул обе половинки. Внизу травы не было. Только каменные плиты да легкая мебель.

Он услышал, как передернули затвор пистолета. Незваный гость приближался к спальне.

Ладно, пора прыгать. Хорошо бы попасть на диван. Растянутая лодыжка лучше пули в голову.

Он положил руку на подоконник и уже приготовился забраться на него, когда сзади раздался женский голос:

— Вы, черт побери, кто?

Тол быстро обернулся и увидел стройную светловолосую женщину лет тридцати пяти или сорока, которая, сощурившись, смотрела на него. Она только что закурила и убирала в сумочку золотую зажигалку. Щелчок крышки он и принял за передергивание затвора. В лице было что-то знакомое (и тревожащее), и через секунду он уже понял, что видел это лицо на многочисленных фотографиях.

— Вы — их дочь.

— Кто вы? — повторила женщина.

— Вы не имеете права заходить сюда. Это — место преступления.

— А, вы — коп. Покажите удостоверение. — Она перевела взгляд на его руки в перчатках из тонкой резины, несомненно, задавшись вопросом, а что он собирался тут делать.

Тол показал ей жетон и удостоверение детектива.

— Так это сделали вы!

— Что?

— Приказали отвезти их в морг? Разрубить на куски?

— Их смерть вызвала у меня подозрения. Я следовал процедуре.

— Значит, это были вы. Детектив Тол Симмс. Я прослежу, чтобы вас персонально упомянули в судебном иске.

— Вы не имеете права заходить сюда. Это — место преступления, на котором еще не закончены следственные мероприятия. И еще, позвольте взглянуть на ваше удостоверение личности. Я с радостью

вызову копов, чтобы они отвезли вас в Управление.

Начался поединок взглядов. Первой сдалась женщина и неохотно достала из сумочки водительское удостоверение. Сандра Кей Уитли, тридцать шесть лет. Тол узнал и адрес, в очень дорогом районе округа.

— Так что загадочного в их смертях? Они покончили с собой.

Ее реакция заинтересовала Тола. Она злилась. Но определенно не скорбела.

— Мы не можем говорить о расследовании, которое еще не закончено.

— Каком расследовании? — фыркнула Сандра. — Что тут расследовать?

— Речь идет об убийстве, знаете ли.

— Убийстве? — холодно переспросила она.

— Ваш отец повернул ключ зажигания, включив двигатель. То есть он убил вашу мать.

— Это же чушь собачья!

— У ваших родителей бывала депрессия?

Она задумалась, прежде чем ответить.

— У моего отца обнаружили серьезную болезнь сердца. Моя мать не хотела без него жить.

— Но болезнь не была смертельной?

— Он не собирался умереть на следующей неделе, все так. Но он знал, что скоро умрет. И хотел уйти с достоинством.

Тол чувствовал, что проигрывает этот поединок. Она все время заставляла его защищаться. Поэтому он решил взять пример с Ла Ту.

— Что вы здесь делаете?

— Это — дом моей семьи, — отрезала Сандра. — Мой дом. Я здесь выросла. Захотела увидеть все своими глазами. Они были моими родителями.

— Разумеется… Сожалею о вашей утрате. Я просто хочу убедиться, что вы пришли только за этим. Такая уж у меня работа.

Сандра пожала плечами и затушила сигарету в тяжелой хрустальной пепельнице, которая стояла на туалетном столике. Заметила фотографию в серебряной рамке, изображающую ее с родителями. Несколько мгновений смотрела на фотографию, потом отвернулась, чтобы скрыть от него слезы.

— Я — адвокат, знаете ли. И собираюсь попросить одного из моих партнеров досконально изучить эту ситуацию.

— Как вам будет угодно, мисс Уитли. Могу я спросить, что вы положили в сумочку чуть раньше?

— В сумочку?

— Когда были на первом этаже.

Она замялась.

— Ничего существенного.

— Это — место преступления. Отсюда ничего нельзя забирать.

Думаю, вам это известно, вы же адвокат. Можете отдать мне то, что взяли, а я закрою глаза на этот инцидент. Или можете оставить то, что взяли, в сумочке, но тогда нам придется проехать в полицейское управление.

Взглядом она покрошила его на мелкие кусочки, определяясь с предложенными ей вариантами, потом открыла сумочку и протянула Толу стопку писем.

— Они лежали в ящике на отправку. Но из-за желтой ленты почтальон не решился подойти к дому. Я собиралась их отправить.

— А я их заберу.

Рука, которой она протянула письма, чуть дрожала. Тол взял письма, не снимая перчаток.

Собственно, он понятия не имел, клала она что-то в сумочку или нет. То была интуитивная догадка. Толбот Симмс внезапно почувствовал, как его охватывает радостное возбуждение. Статистики — тоже парни не промах.

Сандра оглядела спальню, ее глаза вроде бы вновь стали печальными. Но он решил, что в них по-прежнему больше злости, чем скорби. И тут же раздался ее ледяной голос.

— Мой партнер в самом скором времени даст о себе знать, детектив Симмс. Погасите свет, когда будете уходить, если не хотите, чтобы округу пришлось платить за электричество.

Наступило следующее утро, и Тол продолжал размышлять над собранными материалами. Только что поступили новые: распечатка звонков Уитли за последний месяц, результаты вскрытия и анализ почерка предсмертной записки.

В распечатке звонков он поначалу не увидел ничего интересного для себя и, отложив ее в сторону, просмотрел заключение почерковеда. С вероятностью девяносто восемь процентов эксперт ручался за то, что автор записки — Сэм Уитли, хотя рука у него дрожала, и в тексте имелись грамматические ошибки, необычные для человека с его уровнем образования.

Наконец Тол взял результаты вскрытия. Смерть наступила, по мнению патологоанатомов, от отравления окисью углерода. Не было ни гематом, ни повреждений кожи, тканей или внутренних органов, свидетельствовавших о том, что их запихивали в автомобиль. Алкоголь в крови присутствовал, но немного. Оба принимали и лекарства. Одно особенно заинтриговало Тола.

«В крови обоих жертв обнаружено необычно большое содержание 9-флуоро, 7-хлоро-1,3-дегидро-1-метил-5-финил-2Н-1,4-бензодиазепин, 5-гидроклидтрипта-мин и N-(1-фенелтил-4-пиперидил) пропионанилид цитрат».

Далее в заключении указывалось, что это — препарат «Люминакс», одновременно обезболивающий и снимающий тревогу. Количественное содержание препарата в крови указывало на то, что супруги приняли

дозу, в три раза превышающую предписанную, хотя этот препарат никоим образом не усиливал действие окиси азота и ни в малейшей степени не повлиял на их смерть.

Тол предположил, что сочетание спиртного и «Люминакса» могло вызвать дрожь руки.

Оглядев стол, он, в конце концов, нашел нужный ему документ и прочитал перечень всего найденного в доме, составленный группой осмотра. Лекарств у Уитли хватало, болезнь сердца у Сэма, артрит и некоторые другие заболевания у Элизабет, но «Люминакс» они не принимали.

Тол вспомнил, что и Бенсон написал предсмертную записку дрожащей рукой и с ошибками. Порылся в бумагах на столе, нашел визитную карточку адвоката Бенсонов, позвонил ему в офис и подождал, пока их соединят.

— Мистер Метцер, это — детектив Симмс. Несколько дней назад мы встречались в доме Бенсонов.

— Да, я помню.

— Это несколько необычно, но я бы хотел получить разрешение на взятие анализа крови.

— У меня? — в голосе слышалось удивление.

— Нет, у Бенсонов.

— Зачем?

— Я хочу подкорректировать нашу базу данных по лекарственным препаратам и болезням самоубийц. Это — анонимная база данных, там нет никаких фамилий.

— Понятно. Но, к сожалению, их кремировали этим утром.

— Правда? Как быстро.

— Я не знаю, быстро это или медленно. Но они так хотели. И оставили мне соответствующие инструкции. Они хотели, чтобы их кремировали как можно быстрее, а все находящиеся в доме вещи продали…

— Подождите. Вы говорите мне…

— Все находящиеся в доме вещи продали незамедлительно.

— И когда это должно произойти?

— Скорее всего, уже произошло. Распродажа началась в воскресенье утром. Думаю, там уже мало чего осталось.

— Предсмертная записка все еще у вас?

— Я ее не брал. Полагаю, ее выбросили, когда проводилась уборка дома.

«Очень уж быстро все завертелось», — подумал Тол.

— Вы не знаете, принимал ли кто-то из них препарат «Люминакс»?

— Понятия не имею.

— Можете назвать мне фамилию кардиолога мистера Бенсона?

Короткая пауза.

— Пожалуй, смогу. Да. Доктор Питер Броуди. В Глинстеде.

Тол уже собирался положить трубку, когда в голове сверкнула новая мысль.

— Мистер Метцер, при нашей встрече в пятницу вы вроде бы сказали, что Бенсоны не были религиозными людьми.

— Совершенно верно. Они были атеистами… А в чем, собственно, дело, детектив?

— Как я уже вам и сказал… набираю статистику. Это — все. Позвольте поблагодарить вас за то, что уделили мне несколько минут.

Тол нашел телефон доктора Броуди и позвонил в его офис. Доктор уехал в отпуск, а его старшая медсестра не очень-то хотела говорить о пациентах, даже умерших. Однако признала, что «Люминакс» Броуди Бенсонам не прописывал.

Потом Тол позвонил руководителю группы осмотра и выяснил, что пистолет, из которого застрелились Бенсоны, находится в сейфе для хранения вещественных улик. Он попросил снять с пистолета отпечатки пальцев.

— Можете вы это сделать побыстрее?

— С удовольствием. Все оплачивается из вашего бюджета, детектив, — послышался радостный ответ. — Результаты вы получите через десять-пятнадцать минут.

— Благодарю.

Ожидая результатов проверки пистолета, Тол открыл кейс и заметил три письма, которые Сандра хотела вынести из дома родителей. Вновь надев резиновые перчатки, он вскрыл все три конверта и ознакомился с их содержимым.

В первом лежал счет от адвоката за четыре часа работы, затраченные, как указывалось в документе, на «услуги по решению имущественных вопросов».

Имелась в виду переделка завещания? Еще один сходный момент. Метцер говорил, что Бенсоны только-только изменили что-то в своем завещании.

Во втором конверте Тол обнаружил страховой полис, который Бенсоны хотели отправить в Центр поддержки кардиологических больных Уэстбрукской больницы, где Сэм состоял на учете.

Ничего необычного.

А потом достал лист бумаги из третьего конверта.

Откинулся на спинку стула и вскинул глаза к потолку, решая, что делать дальше.

Внезапно вскочил и направился к кабинету Ла Ту. Грег Ла Ту сидел, откинувшись на спинку стула, положив ноги на край стола, и читал какой-то документ. Увидев Тола, он поднял голову и удивленно изогнул брови.

— Грег, есть у тебя минутка?

— Только одна.

— Я хочу поговорить с тобой об этом расследовании.

— Расследовании? — Ла Ту нахмурился. — Каком расследовании?
— Уитли.
— Воскресные самоубийцы? Да, хорошо. Вылетело из головы. Не привык к расследованию самоубийств. — Мощная рука Ла Ту взяла со стола другой документ, и детектив начал его читать.
— Ты говорил, что там, возможно, была горничная, оставившая перчаточные следы, и следы от колес.
Ла Ту не сразу понял, о чем речь. Потом кивнул.
— И что?
— Посмотри. — Тол протянул Ла Ту третье из найденных у Уитли писем. Адресовалось оно Эсмеральде Констанцо, приходящей горничной Уитли. Ее благодарили за службу и указывали, что в ее услугах более не нуждаются. В письме лежал и чек, на корешок которого вчера обратил внимание Ла Ту.
— Они хотели отправить чек почтой, — указал Тол. — То есть она не приходила в тот день, когда они умерли. Кто-то еще носил перчатки. И знаешь, что я думаю? С чего горничной надевать матерчатые кухонные перчатки, если ей нужно прибираться во всем доме? Нелогично.
Ла Ту пожал плечами. Его взгляд вернулся к документу на столе, потом вновь переместился на письмо, которое дал ему Тол.
— Отсюда следует, что приезжавшая микролитражка принадлежала не ей, — продолжал статистик. — Кто-то еще находился в доме или рядом с ним в момент их смерти.
— Ну, Тол...
— Есть еще кое-что. У обоих Уитли в крови — высокое содержание препарата, который продается только по рецептам. Препарат наркотический. «Люминакс». Но пузырьков с этим препаратом в доме не было. И их адвокат только что выполнял для них какую-то работу, связанную с имущественными вопросами. Возможно, они что-то изменили в завещании.
— Если собираешься покончить с собой, вносишь изменения в завещание. Здесь нет ничего подозрительного.
— А потом я встретил их дочь. Она вломилась в дом, что-то искала. Забрала неотправленные письма, но, возможно, искала совсем другое. Может, пузырьки «Люминакса». Не хотела, чтобы кто-то их нашел. Я ее не обыскал, в тот момент об этом как-то не подумал.
— Так ты говоришь о наркотиках?
— Возможно, она накачала их «Люминаксом», заставила изменить завещание, а потом уговорила покончить с собой.
— Да, возможно, — пробормотал Ла Ту. — Как в плохом кино.
Тол пожал плечами.
— А когда я упомянул про убийство, она дернулась.
— Убийство? Почему ты упомянул про убийство?
— Я имел в виду убийство-самоубийство. Муж повернул ключ зажигания и включил двигатель.

Ла Ту пренебрежительно хмыкнул, но Тол, не смутившись, продолжил.

— Плюс ее отношение.

— Знаешь, Тол, ты отправил ее родителей в морг. Ты знаешь, что с ними там сделали, не так ли? Располосовали ножами, изрезали пилами. Тут любой разозлится, можешь мне поверить.

— Да, она злилась, — признал Тол. — Но, в основном, из-за того, что я оказался в доме, разбирался с тем, что произошло. Потом я проверил первую пару — Бенсонов. Их кремировали сразу после смерти. А вещи распродали в один или два дня.

— Распродали? — Впервые в голосе Ла Ту не прозвучало ни пренебрежения, ни сарказма. — И кремировали так быстро? Да, это странно. Не могу с тобой не согласиться.

— И адвокат Бенсона сказал мне кое-что еще. Они оба были атеистами. Но в их предсмертной записке говорилось, что они навсегда будут вместе на небесах или что-то в этом роде. Я думаю, может, им тоже подсыпали этого наркотика. «Люминакса».

— А их врач...

— Нет, он им «Люминакс» не прописывал. Но, возможно, кто-то скормил им эти таблетки. Предсмертная записка тоже была написана трясущейся рукой, с ошибками, как и предсмертная записка Уитли.

— Так может, потормошить их врача?

— Я до него еще не добрался.

— Возможно, возможно, возможно. — Ла Ту сощурился. — Но садовник, с которым мы говорили в доме Бенсонов? Он сказал, что они сильно напились. Ты чертовски здорово поработал с Уитли. Они тоже пили?

— Не очень много... И вот еще что. Я позвонил их оператору сотовой связи и проверил списки телефонных звонков... Им позвонили с телефона-автомата за сорок минут до их смерти. Разговор продолжался две минуты. Этого времени вполне хватило бы, чтобы убедиться, что они дома, и предупредить о приезде. И кто сейчас звонит с телефона-автомата? У всех нынче мобильники, так?

Ла Ту с неохотой согласился и с этим.

— Смотри сам, Грег. Две супружеские четы, обе богатые, живут в пяти милях друг от друга. Оба мужа страдают болезнью сердца. Два убийства-самоубийства с разрывом в считанные дни. И что ты об этом думаешь?

— Выбросы, так? — устало ответил Ла Ту.

— Именно!

— Ты думаешь, дочь решила отправить на тот свет своих стариков, чтобы получить их деньги? И обставила все, как самоубийство?

— Это — теорема.

— Что? — вырвалось у Ла Ту.

— Я хотел сказать, интуитивная догадка.

— Интуитивная догадка. Пусть так. Но ты привязал Бенсонов. Дочь Уитли не стала бы отправлять их в мир иной, так? Я хочу сказать, зачем ей это нужно?

Тол пожал плечами.

— Не знаю. Может, она — крестная дочь Бенсонов или упомянута и в их завещании. А может, ее отец участвовал в какой-то сделке с Бенсоном, которая связывала принадлежащие Уитли деньги, поэтому после смерти родителей дочь ничего бы не получала. Вот ей и пришлось убрать обе пары.

— Возможно, возможно, возможно, — повторил Ла Ту.

В кабинет всунулась Шелли. Проигнорировав Ла Ту, она обратилась к Толу.

— Звонили насчет пистолета. На нем — отпечатки пальцев мистера Бенсона и несколько пятен от материи или бумаги.

— Какого пистолета? — спросил Ла Ту.

— Пистолета, из которого застрелились Бенсоны, — ответил Тол. — Пятна... как на предсмертной записке Уитли.

— Ладно... это становится чертовски интересно. — Ла Ту бросил взгляд на огромные золотые часы на левом запястье. — Я должен идти. Тренировка в тире. Поедем со мной. Постреляем, потом поговорим о расследовании.

— Я останусь здесь.

Ла Ту нахмурился, должно быть, не мог понять, как кто-то может отказаться от возможности целый час буравить дырки в бумаге.

— Ты не стреляешь?

— Просто хочу поработать с этим делом.

— Хорошо, — кивнул Ла Ту. — Я проверю завещания и страховки. Скажи, как звали ледняков?

— Ле...

— Усопших, покойников... неудачников, которые покончили с собой. И их адвокатов.

Тол все аккуратно написал на листке бумаги и протянул Ла Ту, который небрежно сунул листок в нагрудный карман клетчатой рубашки.

— Что мне делать? — спросил Тол.

— Вызови группу СИНМП и...

— Какую группу?

— Разве ты не учился в той же академии, что и я, Тол? Группу сбора информации на месте преступления. Сошлись на меня, и Догерти все устроит. Пусть опросят всех соседей около домов Бенсонов и Уитли. Может, найдут свидетеля, который кого-то видел около этих домов до или после ВС. Это — аббревиатура...

— Времени смерти.

Ла Ту выставил перед собой оба гигантских кулака с поднятыми большими пальцами.

— Поговорим во второй половине дня, когда я вернусь. Найду тебя здесь, скажем, в четыре часа?

— Конечно. Может, нам стоит выяснить, на каком автомобиле ездит дочь Уитли? Посмотреть, не совпадет ли колесная база.

— Дельная мысль, Тол. — Выражение лица Ла Ту говорило о том, что последнее предложение Тола произвело на него впечатление. Здоровяк схватил несколько коробок с патронами и, тяжело ступая, покинул детективный отдел.

— Привет, — поздоровался Тол с секретаршей и широко ей улыбнулся.

Маргарет Ладлем, согласно надписи на табличке, удивленно посмотрела на него.

— Да?

— Магги, не так ли?

— Чем я могу вам помочь? — Тон вежливый, но холодный. Тол вновь ей улыбнулся, а потом показал жетон и удостоверение детектива, отчего на ее веснушчатом лице появилась легкая тревога.

— Я пришел, чтобы поговорить с доктором Шелдоном. — Доктор Шелдон был кардиологом Сэма Уитли, и его визитную карточку Тол нашел в спальне супругов прошлым вечером.

— Так вы... — она всмотрелась в удостоверение.

— Детектив Симмс.

— Конечно. Одну секунду. Вы...

— Нет. О встрече я не договаривался, но мне нужно поговорить с ним. Это — важно. О пациенте Сэме Уитли.

— Пожалуйста, подождите.

Она позвонила, и несколько минут спустя в приемную вышел лысеющий мужчина лет пятидесяти с небольшим. Доктор Энтони Шелдон провел Тола в большой кабинет, стены которого украшали десятки дипломов и наградных листов. Жестом предложив Толу сесть в удобное кресло перед столом, он опустился на свой стул с высокой спинкой.

— Я потрясен случившимся. Просто потрясен.

— Мы расследуем их смерть. Если позволите, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Да, конечно. Всем, чем могу. Но... вроде бы мы слышали, что они покончили с собой. Это так?

— Похоже на то. Но на некоторые вопросы у нас пока нет ответов. Как давно вы их лечили?

— Ну, во-первых, не их. Только Сэма Уитли. Его направил ко мне семейный врач.

— Рональд Уайнстайн, — кивнул Тол. И эту информацию он почерпнул из коробок с вещественными уликами, которые не дали ему заснуть до трех часов утра. — Я только что говорил с ним.

Кое-что Тол от Уайнстайна узнал: Уайнстайн не прописывал никому

из Уитли «Люминакс» и никогда не встречался с Бенсонами.

Тол продолжил:

— Насколько серьезным было заболевание Сэма?

— Очень серьезным. Подождите… я не хочу что-нибудь упустить.

Шелдон нажал на кнопку аппарата внутренней связи.

— Да, доктор?

— Маргарет, пожалуйста, принесите мне медицинскую карту Уитли.

Мгновением позже женщина вошла в кабинет, полностью игнорируя Тола.

Он решил, что ему нравится такая вот внешняя холодность. И имя Маргарет, пожалуй, подходило ей больше, чем Магги.

— Благодарю.

Шелдон пролистал карту.

— Его сердце работало лишь на пятьдесят процентов своих возможностей. Ему требовалась операция по пересадке сердца, но мы не могли найти подходящий трансплантат. Поэтому собирались заменить клапаны и несколько главных сосудов.

— Он бы выжил?

— Вы про операцию? Или потом?

— И про первое, и про второе.

— Прогноз был не слишком благоприятный. Больший риск приходился на операцию. Сэм был немолод, с сильно поврежденными сосудами. Если бы пережил операцию, на последующие шесть месяцев шансы у него были бы пятьдесят на пятьдесят. А вот потом это соотношение начало бы изменяться в более благоприятную для него сторону.

— Значит, положение не было безнадежным.

— Нет, конечно. Но, как я ему и сказал, могло случиться так, что после операции он остался бы на всю жизнь прикованным к постели.

— То есть вы не удивились, узнав о его самоубийстве?

— Видите ли, я — врач. Самоубийство для нас лишено здравого смысла. Но ему предстояла очень рискованная операция и трудный, продолжительный период выздоровления, исход которого оставался неясным. Услышав о его смерти, я, конечно, огорчился, даже почувствовал собственную вину… может, не стоило мне ему все объяснять. Но, должен сказать, полной неожиданностью его самоубийство для меня не стало.

— Вы знали его жену?

— На прием она приезжала вместе с ним.

— На здоровье не жаловалась?

— Выглядела вполне здоровой.

— Они были близки?

— Да, жить друг без друга не могли.

— Доктор, что такое «Люминакс»?

— «Люминакс»? Это — комбинированный антидепрессант,

одновременно снимает боль и тревогу. Я практически не знаком с принципом его действия.

— То есть вы не прописывали «Люминакс» Сэму или его жене?

— Нет… и я никогда ничего не стал бы прописывать супруге моего пациента, если только она сама не лечилась бы у меня. А что?

— При вскрытии у обоих в крови выявлено необычайно высокое содержание этого препарата.

— У обоих?

— Вот именно.

Доктор Шелдон покачал головой.

— Странно… Это и была причина смерти?

— Нет, их убила окись азота.

— Ага. Их автомобиль?

— Да, в гараже.

Доктор покачал головой.

— Полагаю, не самый худший способ ухода из жизни. И все же…

Тол взглянул на листок с пометками, сделанными по ходу расследования.

— В доме я нашел страховой полис из Центра поддержки кардиологических больных. Что это значит?

— Я предложил, чтобы он и Лиз обратились туда. Они работают со смертельно больными и ожидающими опасной операции людьми, с кандидатами на трансплантацию. В основном, занимаются консультированием и психотерапией.

— Могли они прописать этот препарат?

— Возможно. У них в штате есть и врачи.

— Я бы хотел с ними поговорить. К кому мне обратиться?

— Директор центра — доктор Питер Дехоивен. Они находятся в корпусе Джей. Вернитесь в главный вестибюль, на лифте поднимитесь на третий этаж, поверните налево и прямиком попадете к ним.

Тол поблагодарил доктора и вышел в приемную. Использование сотовых телефонов в больнице запрещалось, вот он и попросил Маргарет разрешить ему позвонить по одному из телефонных аппаратов, что стояли на ее столе. Она небрежно кивнула и вновь уткнулась в компьютер. Часы показывали 3:45. Через пятнадцать минут Тол должен был встретиться с Грегом Ла Ту.

Трубку взяла одна из секретарш отделения расследования убийств, и он попросил передать Ла Ту, что немного задержится.

— Но он уже ушел, — удивленно ответила секретарша.

— Ушел? Мы же договорились о встрече.

— Он ничего такого не говорил.

Разозленный, Тол положил трубку. Неужели Ла Ту просто посмеивался над ним, соглашался помочь в расследовании лишь для того, чтобы он, Тол, от него отвязался?

Он позвонил в Центр поддержки кардиологических больных.

Доктора Дехоивена на месте не оказалось, но он договорился о встрече с ним на следующий день, в половине девятого утра.

— Все клапаны? — переспросил семидесятидвухлетний Роберт Коуви у своего кардиолога, сидевшей напротив. Надпись на нагрудном кармане белого халата гласила «Доктор Ленсдаун», но с ее светлыми волосами, забранными в пучок на затылке, и ярко-красной помадой на губах, он воспринимал ее исключительно как «доктора Дженни».

— Совершенно верно, — она наклонилась вперед. — И это еще не все.

Следующие десять минут она объясняла, какие еще медицинские пытки придется ему выдержать, чтобы получить шанс встретить свой семьдесят третий день рождения.

«Несправедливо, — подумал Коуви. — Чертовски несправедливо все складывается». Действительно, при росте в шесть футов весил он, насколько себя помнил, порядка 180 фунтов. Курить бросил сорок лет назад. Каждые несколько месяцев один уик-энд проводил с Вероникой в пешем походе. После того, как потерял ее, присоединился к клубу туристов, в походах без труда обгоняя вдов, которые не переставали с ним флиртовать.

— Вы женаты? — спросила доктор Дженни.

— Вдовец.

— Дети?

— У меня — сын.

— Живет неподалеку?

— Нет, но мы часто видимся.

— Рядом с вами живет кто-нибудь из родственников, близких друзей?

— Нет. Пожалуй, что нет.

Доктор Дженни пристально смотрела на него.

— Это тяжело, услышать все, что я сказала вам сегодня. А дальше будет еще тяжелее. Я бы хотела, чтобы вы кое с кем поговорили в больнице Уэстбрука. У них есть специальная служба для сердечников. Центр поддержки кардиологических больных.

— Психиатрическая служба?

— Скорее, психотерапевтическая.

— Они ходят в коротких юбках? — спросил Коуви.

— Мужчины — нет, — сухо ответила доктор Дженни.

— Туше. Спасибо, но это — не для меня.

— Все равно, возьмите телефон. Вдруг захочется просто поговорить. — Она достала карточку Центра и положила на стол.

Коуви задал несколько вопросов о предстоящих ему операциях, спросил о своих шансах. Поначалу ей отвечать не хотелось, но она поняла, что он умеет держать удар.

— Шестьдесят на сорок, не в вашу пользу.

— Это — оптимистический прогноз или пессимистический?

— Просто реалистический.

Коуви направился к двери. Доктор последовала за ним. Он решил, что она хочет проводить его, но Дженни протянула руку: он забыл карточку Центра поддержки кардиологических больных в Уэстбрукской больнице с номером телефона.

— Мне винить свою память?

— Она у вас лучше, чем у меня, — подмигнула ему Дженни и вернулась за стол.

Коуви согласовал с регистратором время сдачи анализов и вышел из здания, все еще держа в руке карточку Центра поддержки. Заметил урну. Направился к ней, поднял руку, чтобы бросить карточку в кучу пустых банок из-под газировки и мятых газет, но в последний момент передумал.

Чуть дальше по улице нашел телефон-автомат. С состоянием, превышающим пятьдесят миллионов долларов, Роберт Коуви полагал сотовые телефоны ненужной роскошью. Положив карточку на полку у телефона, он надел очки для чтения и полез в кожаный кошелек за монетами.

Доктор Питер Дехоивен, высокий, светловолосый мужчина, говорил с акцентом, который Тол никак не мог определить.

Они встретились ранним утром, как и договаривались, и теперь Дехоивен рассказывал Толу о миссии Центра помощи кардиологическим больным. Как выяснилось, сотрудники ЦПКБ помогали тяжело больным пациентам менять диету, подбирать комплекс физических упражнений, объясняли природу заболеваний сердца, боролись с депрессией и тревогой, находили сиделок, консультировали членов семьи. Помогали и с подготовкой похорон, с заключением страховых договоров, с завещаниями.

— В наши дни продолжительность жизни все увеличивается, — акцент Дехоивена то усиливался, то пропадал, — поэтому нам приходится дольше жить со своими болезнями, более продолжительный период времени осознавать, что смерть — рядом, на расстоянии вытянутой руки. Это — трудно. Вот мы и помогаем нашим пациентам лучше подготовиться к последнему этапу их жизни.

Когда доктор закончил свой рассказ о ЦПКБ, Тол объяснил, что приехал по поводу Уитли.

— Вы удивились, узнав об их самоубийстве? — спросил он, поправляя узел галстука.

— Удивился? — Дехоивен помялся с ответом. Может, вопрос поставил его в тупик. — Я как-то не думал, следовало мне удивляться или нет. Лично я Сэма не знал. Поэтому…

— Вы никогда с ним не встречались?

— У нас очень большая организация. С пациентами работают наши консультанты. Моя жизнь — бюджет, планирование и строительство нового здания на этой же улице. Вот на что и уходит практически все

мое время. Мы расширяемся. Но я выясню, кто работал с Сэмом и его женой. — Чтобы получить эти сведения, он позвонил секретарю.

Как выяснилось, Уитли консультировала Клер Маккэффри, как объяснил Дехоивен, дипломированная медсестра и социальный работник-консультант. В ЦПКБ она работала уже больше года.

— Она — молодец. Представитель нового поколения консультантов, экспертов по старению, да. По этой теме она защитила диплом.

— Я бы хотел поговорить с ней.

Вновь пауза.

— Полагаю, это нормально. Могу я спросить, почему?

Тол достал из кейса вопросник и показал доктору.

— Я — статистик полицейского управления. Слежу за всеми смертями в округе и собираю о них информацию. Рутина, знаете ли.

— Ага, рутина. Но мы удостоены персонального визита. — На лице Дехоивена отражалось любопытство.

— Детали, зачастую, самое важное.

— Да, конечно. — По голосу Дехоивена чувствовалось, что искренность Тола не показалась ему убедительной.

Он позвонил медсестре. Как выяснилось, Клер Маккэффри собиралась на встречу с новым пациентом, но могла уделить Толу пятнадцать или двадцать минут.

Дехоивен пояснил, как пройти к ее кабинету. Но Тол ушел не сразу.

— Еще несколько вопросов.

— Да, сэр?

— Вы здесь прописываете «Люминакс»?

— Да, очень часто.

— Этот препарат выписывали Сэму? Мы не нашли в доме пузырек.

Дехоивен пробежался пальцами по клавиатуре компьютера.

— Да. Наши врачи несколько раз выписывали ему этот препарат. Он начал принимать «Люминакс» месяц назад.

Тол рассказал Дехоивену о высоком содержании «Люминакса», обнаруженного в крови обоих Уитли.

— Как такое могло быть?

— В три раза больше нормы? — Дехоивен покачал головой. — Не знаю, что и сказать.

— Они также немного выпили. Но мне сказали, что этот препарат не мог как-то повлиять на их смерть. Вы с этим согласны?

— Да, да. Препарат — неопасен. Может, разве что, вызвать сонливость и легкомысленность.

— Сонливость и легкомысленность одновременно? — переспросил Тол. — Вроде бы странное сочетание.

— Ничего странного здесь нет. «Люминакс» снимает тревогу и позволяет человеку расслабиться, вот почему мы широко его применяем. Он одобрен Администрацией по контролю за продуктами питания и лекарствами. А нас это очень радует. Кардиологические

больные могут принимать его без опаски усугубить проблемы с сердцем.

— Какая компания производит препарат?

Дехоивен взял с полки толстый том, пролистал его.

— «Монтроз фармацевтик» в Парамасе, штат Нью-Джерси.

Тол записал название и адрес компании.

— Доктор, а был ли среди пациентов вашего центра… Дон Бенсон?

— Фамилия мне не знакома, но, как уже говорил, я знаю мало кого из пациентов. — Дехоивен вновь пробежался пальцами по клавиатуре. — Нет, у нас нет пациента по фамилии Бенсон. А почему вы спрашиваете?

Тол постучал пальцем по вопроснику.

— Статистика. — Он убрал листок в кейс, пожал доктору руку и направился в кабинет медсестры, который находился в том же коридоре, через четыре двери от кабинета Дехоивена.

Клер Маккэффри оказалась стройной брюнеткой его возраста. Забранные в конский хвост волнистые волосы, открытое, симпатичное, в веснушках, но усталое лицо.

— Доктор Дехоивен звонил насчет вас. Детектив…

— Симмс. Но зовите меня Тол.

— А я отзываюсь на Мак. — Она протянула руку, и, когда он ее пожал, на запястье зазвенели колечки браслета-амулета. Заметил он и золотое колечко на правой руке.

Она предложила ему сесть. Места в просторном кабинете хватало для письменного стола, двух кресел, дивана и кофейного столика. И здесь было куда уютнее, чем в кабинете Дехоивена. Стены украшали фотографии и постеры, с растениями, букетами цветов, морскими берегами, пустынями, лесами.

— Вас интересует Сэм Уитли, так? — В голосе сестры слышалась тревога.

— Совершенно верно. И его жена.

Она кивнула, и на лице ее отразилась печаль.

— Из-за этого я всю ночь не могла уснуть. Ужасно. Не могу в это поверить.

— У меня лишь несколько вопросов. Надеюсь, вас не затруднит ответить на них.

— Да, конечно.

— Вы виделись с ними в тот день, когда они умерли? — спросил Тол.

— Да. Мы встречались регулярно.

— И что вы делали?

— То же, что и с остальными пациентами. Следила за тем, чтобы они соблюдали диету, заполняла страховые формы, убеждалась в действенности препаратов, которые они принимали, помогала с тяжелой работой по дому… Возникли какие-то проблемы? Полиции что-то не ясно?

Глядя в ее встревоженные глаза, Тол решил не прикрываться вопросником.

— Это — необычная смерть. Она не укладывается в статистический профиль большинства самоубийств. По их разговорам у вас не возникло ощущения, что они намерены покончить с собой?

— Нет, разумеется, нет, — быстро ответила она. — Я бы постаралась помешать этому. Естественно.

— Но? — Тол почувствовал, что она выговорилась не до конца.

Клер не отрывала глаза от стола, переложила какие-то бумаги, закрыла папку.

— Просто... понимаете, есть один момент. Последние два дня я только и думала о том, что они мне говорили, искала какие-то намеки. И вспомнила, как они сказали, что им очень нравилось работать со мной.

— А что тут странного?

— Сказали об этом в прошедшем времени. Не нравится работать со мной. Им нравилось работать со мной. Тогда я тоже не увидела в этих словах ничего странного. А теперь... Мне следовало вслушиваться в то, что они говорили.

Чувство вины. Похоже, у Клер Маккэффри, как у адвокатов двух покончивших с собой супружеских пар, как у их врачей, чувство это могло задержаться надолго.

Может, навсегда...

— Вы знали, что они приобрели книгу о самоубийствах? «Последнее путешествие»?

— Нет, я этого не знала. — Клер нахмурилась.

— Они принимали «Люминакс», так?

Она кивнула.

— Это — хороший препарат, снимающий тревогу. Мы следим за тем, чтобы он был у пациентов под рукой, чтобы они могли принять его, если их вдруг охватит паника, или они начнут впадать в депрессию, — объяснила Клер.

— После смерти Сэма и его жены в их крови обнаружено необычно высокое содержание «Люминакса».

— Правда?

— Мы пытаемся выяснить, куда подевались рецепт или пузырек. В доме найти их не удалось.

— Они у них были, я знаю.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Не знаю, сколько еще таблеток они могли получить по рецепту. А пузырек... Может, они как раз выпили все таблетки и выбросили его?

— Уитли никогда не упоминали Дона и Сай Бенсонов? — продолжал Тол.

— Бенсонов?

— Из Грили.

— Нет. И я никогда о них не слышала.

— В тот день был в доме кто-нибудь еще?

— Не знаю. Пока я находилась там, мы были одни.

— А когда вы уехали?

— В четыре часа или чуть раньше.

— Вы так уверены во времени?

— Да. Я знаю, потому что по дороге домой слушала свою любимую радиопередачу. «Час оперы» на Эн-пи-эр. Они транслировали отрывки из «Мадам Баттерфляй».

— Это не о японке, которая... — он недоговорил.

— Покончила с собой. — Мак посмотрела на постер национального парка Гранд-Титон, потом на другой, с приливом на Гавайях. — Моя жизнь посвящена увеличению продолжительности жизни других людей. Это известие о Сэме и Лиз потрясло меня. Я говорила с доктором Дехоивеном. Он приехал из Голландии. Там на смерть смотрят иначе. К эвтаназии и самоубийству относятся более благожелательно... Узнав о смерти Сэма и Лиз, он лишь пожал плечами. Как будто это — пустяк. Но я не могу выбросить их из головы.

Пауза. Она моргнула, вновь посмотрела на часы.

— У меня — встреча с новым пациентом. Но, если могу чем-нибудь помочь, дайте мне знать. Кто вы... на самом деле? Детектив из отдела расследования убийств?

Тол рассмеялся.

— На самом деле я — математик.

— Он там, и я не могу его выгнать. Не знаю, что и делать, босс.

В панике Тол подумал, что разъяренная Шелли, указывая на его кабинет, говорит о самом шерифе, который спустился с последнего этажа, чтобы лично уволить Тола за команду 2124.

Но нет, она имела в виду совсем другого человека.

Тол вошел в кабинет, и его брови удивленно взлетели вверх, когда он увидел Грега Ла Ту.

— Я думал, мы договаривались встретиться вчера...

— Так где ты был? — пробурчал Ла Ту. — Проспал? Значит, так. Я получил информацию по завещаниям. Оба изменены...

— Что ж, это подозрительно.

— Дай мне закончить. Нет, не подозрительно. Они не оставили все свои деньги какому-то гуру, который взял под контроль их разум. У Бенсонов детей не было. Поэтому они добавили в завещание несколько благотворительных фондов и создали фонды для нескольких своих племянников и племянниц, на обучение в колледже. По сотне тысяч долларов каждый. Ерунда. Дочь Уитли ничего от них не получила.

Далее, сами Уитли, по прежнему завещанию, оставляли дочери треть своего состояния. Она получает столько же и по новому завещанию, но может получить больше, если займется созданием семейной библиотеки Уитли. Короче, завещания отпадают. Та же история со...

— ...страховками.

— Именно это я собирался сказать. Страховка Бенсонов идет на уплату некоторых долгов и на вознаграждение ушедших на пенсию сотрудников его компаний. Двадцать, тридцать тысяч. Нет там ничего подозрительного... Что нашел ты?

Тол рассказал о докторе Шелдоне, кардиологе, потом о Дехоивене, Мак и Центре поддержки кардиологических больных.

— И Бенсон, и Уитли — пациенты Шелдона? — тут же спросил Ла Ту.

— Нет, только Уитли. То же — и с Центром поддержки.

— Нам нужна связь, как я и говорил. Что-нибудь...

— Вроде бы одна есть, — быстро вставил Тол. — Наркотики.

— Что, старики толкали наркоту?

Тол рассказал о «Люминаксе».

— От него человек одновременно становится сонным и счастливым. Может принять неправильное решение или согласиться на самое дикое предложение.

— К примеру, вышибить себе мозги? Чертовски хорошее предложение.

— Если принять тройную дозу...

— Ты думаешь, кто-то «накормил» их «Люминаксом»?

— Возможно, — кивнул Тол. — Консультант из Центра поддержки кардиологических больных уехала из дома Уитли в четыре часа. Они умерли около восьми. Достаточно времени для того, чтобы кто-то заехал к ним в гости и попотчевал «Люминаксом», скажем, растворенным в спиртном.

— Ладно, Уитли его принимали. А Бенсоны?

— Их кремировали на следующий день после смерти, помнишь? Мы никогда не узнаем.

— Ладно, твоя... как ты там ее называешь? Теория?

— Теорема.

— Состоит в том, что кто-то подсыпал им этого дерьма? Но кто? И почему?

— Эта часть мне еще не известна.

— Эти части, — поправил его Ла Ту. — Кто и почему. Две части.

Тол вздохнул.

— Ты действительно думаешь, можно дать кому-то наркотик, сказать, что они должны покончить с собой, и они это сделают?

— Давай это выясним.

— Как?

Статистик просмотрел свои записи.

— В компании, которая производит этот препарат. Она находится в Парамасе. Съездим и поговорим.

— Черт. В Нью-Джерси.

— У тебя есть идея получше?

— Мне не нужны никакие идеи. Это — твое расследование.

— Может, я и отдал команду двадцать один двадцать четыре. Но

теперь — это общее расследование. Поехали.

Она выглядела бы прекрасно в короткой юбке, решил Роберт Коуви, но, к сожалению, пришла в брюках.

— Мистер Коуви, я — из Центра поддержки кардиологических больных.

— Зовите меня Боб. А не то я чувствую себя таким же старым, как ваш старший брат.

На его вкус, она чуть не вышла ростом, но тут же ему пришлось напомнить себе, что она здесь — с одной целью: помочь пережить тяжелые моменты жизни, когда ему в грудь будут вставлять свинячьи органы да латать прохудившиеся вены и артерии. А кроме того, он всегда говорил, что не в его правилах встречаться с женщинами, которые прожили на свете в три раза меньше, чем он.

Коуви распахнул дверь и с легким поклоном пригласил ее войти. Провел в гостиную, усадил на диван.

— Добро пожаловать, мисс Маккэффри...

— Может, лучше Мак? Так звала меня мама, когда я хорошо себя вела.

— А как она звала вас, когда вы вели себя плохо?

— Тоже Мак. Только с другими интонациями. Так что, начинайте.

— Начинать что?

— То, что собирались мне высказать. Что я вам тут совершенно не нужна. Что вы не нуждаетесь в чьей-либо помощи, что пригласили меня лишь для того, чтобы ублажить вашего кардиолога, что вас не нужно водить за ручку и гладить по головке, что вы не собираетесь менять диету, не хотите заниматься физическими упражнениями, не собираетесь бросать курить и не желаете отказываться от... — она посмотрела, какие бутылки стоят в баре, — ...от вашего портвейна. Правила у нас следующие. Я не собираюсь водить вас за ручку или гладить по головке. Это — моя часть сделки. Но да, вам придется бросить курить...

— Бросил еще до того, как вы появились на свет, спасибо вам большое.

— Хорошо. И вы будете заниматься физическими упражнениями и перейдете на кардиологическую диету, продукты, полезные для вашего сердца. Что же касается портвейна...

— Подождите...

— Думаю, мы ограничимся тремя стопками на вечер.

— Четырьмя, — быстро вставил он.

— Тремя. И я подозреваю, что на самом-то деле обычно вам хватает двух.

— Я готов согласиться на три, — пробурчал Коуви.

Черт, она ему понравилась. Он всегда любил женщин с сильным характером. Как Вероника.

А она перешла к другим темам. Объяснила, чем занимается Центр

поддержки кардиологических больных и чем не занимается.

— Как я понимаю, вы — вдовец. Сколько лет вы прожили с женой?

— Сорок девять.

— Так это же прекрасно.

— Мы с Вер жили душа в душу. Я страшно разозлился из-за того, что нам не удалось отметить пятидесятую годовщину. Я планировал большой прием. С арфистом, буфетом и баром. — Он вскинул брови. — Хотел заказать марочный портвейн.

— У вас есть сын?

— Совершенно верно. Рэндолл. Живет в Калифорнии. Руководит компьютерной компанией. Той, что действительно зарабатывает деньги. Только представьте себе! Носит длинные волосы, живет с женщиной… а ведь следовало бы жениться… но он — хороший мальчик.

— Вы с ним часто видитесь?

— Постоянно.

— Когда говорили в последний раз?

— Вчера.

— Вы сказали ему о вашем состоянии?

— Будьте уверены.

— Хорошо. Он собирается приехать сюда?

— Через неделю. У него много дел. Он готовит крупную сделку.

Мак что-то достала из сумочки.

— Наш доктор в клинике прописал вам вот это. — Она протянула ему пузырек. — «Люминакс». Препарат, снимающий тревогу.

— Я говорю «нет» наркотикам.

— Это — препарат нового поколения. Вам предстоит многое пережить. Эти таблетки вам помогут. У них практически нет побочных эффектов.

— Вы хотите сказать, после их приема я не превращусь в битника, каким был много лет тому назад, когда жил в Виллидж? Пожалуй, я откажусь.

— Он пойдет вам на пользу. — Сестра вытрясла две таблетки в крышку и протянула ему. Прошла в бар и налила стакан воды.

Наблюдая, как она ведет себя, будто хозяйка, Коуви недовольно пробурчал: на переговоры не идете?

— Нет, если знаю, что я права.

— Суровая женщина. — Он вновь посмотрел на таблетки. — Если я их приму, то мне придется отказаться от вечернего портвейна, так?

— Ничего подобного. Вы же знаете, умеренность — ключ ко всему.

— Вы не кажетесь мне умеренной женщиной.

— Да нет же, никакая я не умеренная. Но я сдерживаю себя, когда читаю проповедь. — И она протянула ему стакан с водой.

В Нью-Джерси они поехали уже во второй половине дня, ближе к вечеру.

Тол включил радио. Попытался найти программу «Час оперы», о

которой упоминала медсестра Мак.

Ла Ту удивленно глянул на приборный щиток, словно и не подозревал, что в автомобиле установлен радиоприемник.

Пройдясь по всем диапазонам, Тол нашел несколько программ «Нэшнл паблик рейдиоу», но только не «Час оперы». В какое время она слушала «Мадам Баттерфляй»? Он не мог вспомнить. Сдавшись, Тол остановился на новостном канале. Ла Ту послушал новости пять минут, а потом переключил радиоприемник на средние волны, на спортивный канал.

Автомобиль он вел отвратительно. Постоянно менял полосы движения, то значительно превышая разрешенную скорость, то резко тормозя. Иногда показывал водителям средний палец.

Наконец Ла Ту свернул с автомагистрали на извилистую боковую дорогу.

Компания «Монтроз фармацевтик» занимала несколько зданий из стекла и хрома на территории технопарка. Судя по количеству «мерседесов», «ягуаров» и «порше» на стоянке для автомобилей сотрудников, дела у компании шли очень даже неплохо. В элегантной приемной жетоны управления шерифа округа Уэстбрук вызвали удивленно поднятые брови. Но, как заключил Тол, именно внушительные габариты Ла Ту и его злобные взгляды помогли им миновать все секретарские баррикады.

Пять минут спустя они сидели в кабинете президента компании, Даниэля Монтроза, энергичного лысеющего мужчины, вплотную приблизившемуся к пятидесятилетнему рубежу. По светящемуся в глазах уму и измятой одежде Тол догадался, что видит родственную душу: скорее ученого, чем бизнесмена. Монтроз качался взад-вперед на стуле, вглядываясь в них сквозь очки в тонкой стальной оправе.

Какое-то время все молчали, и Тол физически чувствовал, как нарастает напряжение. Он искоса глянул на Ла Ту, который сидел, откинувшись на спинку кожано-хромированного стула, и неспешно оглядывал кабинет.

— Мы готовились к конференции наших оптовиков, — внезапно подал голос Монтроз. — У нас — хорошие результаты.

— Правда? — спросил Ла Ту.

— Совершенно верно. Продажи растут. В этом году мы проводим конференцию в Лас-Вегасе.

— Расскажите нам о «Люминаксе», — перешел Ла Ту к цели их приезда.

— «Люминакс». Точно, «Люминакс»... Я бы хотел узнать, если, разумеется, не нарушу этим ваши правила, для чего вам это нужно? И почему вы приехали сюда? Вы ведь ничего не объяснили.

— Мы расследуем несколько самоубийств.

— Самоубийств? И «Люминакс» как-то в этом замешан?

— Да, конечно.

— Но… его основа — легкая производная диазепама. И трудно даже представить себе, какой должна быть смертельная доза.

— Нет, люди умерли по другой причине. Но мы обнаружили…

Неожиданно открылась дверь, и в кабинет вошла ослепительно красивая женщина. Увидев посетителей, она растерянно моргнула.

— Извините. — В тоне извинительные нотки отсутствовали напрочь. — Я думала, ты один. — И положила несколько папок на стол Монтроза.

— Это — полицейские от округа Уэстбрук, — пояснил президент компании.

— Полиция? Что-то не так?

Тол дал ей на вид сорок лет. Удлиненное лицо, холодные глаза, красота европейской модели. Стройные ноги с накачанными бедрами любительницы бега.

Ни Тол, ни Ла Ту на вопрос не ответили. Монтроз представил им женщину — Карен Биллингс. Должность у нее была очень длинная, что-то связанное с продвижением продукции компании на рынок и связей с пациентами, то есть конечными потребителями.

— Они спрашивают насчет «Люминакса». Говорят, что возникли кое-какие проблемы.

— Проблемы?

— Они только что сказали… — Монтроз передвинул очки выше по переносице. — Так что вы сказали?

Ответил ему Тол.

— Два человека покончили с собой. Содержание «Люминакса» в их крови в три раза превысило норму.

— Но от этого они не могут умереть. Не могли. И я не понимаю, почему… — Карен посмотрела на Монтроза. На их лицах не отражалось никаких эмоций. Потом холодно спросила Ла Ту: — Что вы хотели бы знать?

— Прежде всего, как препарат мог попасть к ним в кровь? — Ла Ту откинулся на спинку стула, который протестующе заскрипел.

— Вас интересует, как он мог попасть в организм?

— Да.

— Только через рот. В виде инъекций препарат не выпускается.

— Но его можно смешать с едой или напитками?

— Разумеется, — ответил президент. — Препарат растворим в воде. Горькая добавка…

— Горь?..

— Сам препарат не имеет вкуса, но мы вводим горькую добавку, чтобы дети выплевывали таблетку, если случайно сунут ее в рот. Но горечь можно замаскировать сахаром или…

— Алкоголем?

— При приеме препарата рекомендовано воздерживаться от… — вмешалась Биллингс.

— Я говорю не об инструкции, — прорычал Ла Ту. — Я спрашиваю,

можно ли убрать горечь, растворив таблетку в спиртном?

Она помялась. Потом ответила: «Можно», — и раздраженно забарабанила ногтями по столу.

— А как он действует на человека?

— Снимает тревогу и поднимает настроение. Но не как таблетка снотворного. Человек просто расслабляется и чувствует себя более счастливым.

— Действует на способность соображать?

— Есть некоторая когнитивная димунация.

— Нельзя ли попроще? — буркнул Ла Ту.

— Человек испытывает легкую дезориентацию... как бывает, когда он счастлив.

Тол вспомнил ошибки в предсмертных записках.

— Может препарат влиять на почерк и правописание?

— Да, может.

— Может воздействовать на оценку ситуации?

— Оценку ситуации? — переспросила Биллингс. — Это — субъективно.

— Что вы хотите этим сказать?

— Нет четких критериев, позволяющих определить способность человека что-либо оценивать.

— Нет? Как насчет человека, который сует ствол пистолета в рот и нажимает на курок? — спросил Ла Ту. — Я называю это неадекватной оценкой ситуации. Есть шанс, что вы со мной согласитесь?

— К чему вы клоните? — взвизгнула Биллингс.

— Карен, — остановил ее Монтроз, снял очки и протер глаза.

Она босса проигнорировала.

— Вы думаете, они приняли наш препарат и решили покончить с собой? Вы думаете, мы в этом виноваты? Этот препарат...

— Этот препарат приняли двое людей, может, четверо, а потом покончили с собой. Что мы можем сказать по этому поводу с точки зрения статистики? — Ла Ту повернулся к Толу.

— Существуют серьезные предпосылки для установления связи между двумя этими событиями.

— Вот видите. Наука сказала свое слово.

— Может передозировка «Люминакса» ухудшить способность человека правильно оценивать ситуацию? — продолжил Тол.

— Не настолько, чтобы они решили покончить с собой, — твердо ответила Биллингс. Монтроз промолчал.

— Это и ваше мнение? — спросил его Ла Ту.

— Да, — после паузы ответил президент.

Тол гнул свое.

— Но этот препарат делает человека более восприимчивым к предложениям других людей?

— Я не понимаю, о чем вы! — воскликнула Биллингс. — Это...

безумие.

— Мог кто-нибудь убедить человека, принявшего слишком много «Люминакса», покончить с собой?

В кабинете воцарилась тишина.

— Я в этом сильно сомневаюсь, — нарушила ее Биллингс.

— Но вы этого не отрицаете, — пробурчал Ла Ту.

Биллингс и Монтроз переглянулись.

— Да, мы этого не отрицаем, — проговорил Монтроз, отводя взгляд.

Наутро Тол и Ла Ту прибыли в полицейское управление одновременно и вместе направились через детективный отдел в кабинет Тола.

Снова прошлись по полученным результатам и не нашли ниточек, за которые могли бы уцепиться.

— По-прежнему не знаем, кто, — пробурчал Ла Ту. — По-прежнему не знаем, почему.

— Но уже знаем, как, — указал Тол, напоминая о том, что под действием больших доз «Люминакса» человек становится более восприимчивым к предложениям других людей.

— К черту, как. Я хочу знать, кто.

И в этот самый момент они, возможно, получили ответ.

В кабинет Тола вошла Шелли.

— Ты вернулся. Хорошо. Звонили из группы СИНМП в Грили. Они говорят, что сосед видел женщину в маленьком темном автомобиле, подъехавшем к дому Бенсонов примерно за час до их смерти. Женщина была в солнцезащитных очках и светло-коричневой или бежевой бейсболке. Сосед ее раньше не видел. Они не уверены, в какое именно время приезжала женщина, но точно знают, что до ланча. Она оставалась в доме минут сорок, потом уехала. А через час, или около того, они покончили с собой. Автомобиль — маленький седан. Цвет свидетель не помнит. Номерного знака тоже. И вот что еще. Наконец-то, позвонили из департамента транспортных средств. Сандра Уитли ездит на синем «БМВ-325».

— Маленькая колесная база, — кивнул Тол.

— И это еще не все, босс. Догадайся, кто покидает город до проведения мемориальной службы ее родителей.

— Сандра?

— Как ты, черт побери, все это выяснила? — вмешался в разговор Ла Ту.

Шелли повернулась к нему и одарила холодным взглядом.

— Детектив Симмс попросил меня рассортировать все вещественные улики с места гибели супругов Уитли. Кроме того, он говорит, что беспорядок в фактах и файлах равносилен их отсутствию. Среди бумаг, собранных в доме Уитли, я нашла квитанцию из билетной кассы. Речь шла о сегодняшнем рейсе из Ньюарка на Гавайи через Сан-Франциско. Я позвонила, и мне сказали, что билет выкуплен Сандрой Уитли. С

открытой датой обратного вылета.

— То есть она может и не вернуться, — кивнул Ла Ту. — Отправляется в отпуск, не попрощавшись с родителями. Это уже перебор.

— Хорошая работа, — похвалил Тол Шелли.

Потупив взор, она благодарно улыбнулась.

— Ты хорошо поработала, Шерри. А теперь нарой все, что сможешь, по «Люминаксу». — Ла Ту протянул ей листки с записями.

— Меня зовут Шелли, — фыркнула она и посмотрела на Тола, который добавил к вышесказанному: «Пожалуйста».

Шелли вырвала листки из руки Ла Ту и, стуча высоченными каблуками, ретировалась в коридор.

Тол и Ла Ту переглянулись, и Тол улыбнулся:

— Все понял. Что ж, давай навестим нашу подозреваемую.

— Стойте на месте!

Когда такой приказ отдает стремительно приближающийся к тебе Ла Ту, не остается ничего другого, как подчиниться.

Даже если ты — Сандра Уитли.

Она как раз собиралась усесться за руль «БМВ», стоящего рядом с ее роскошным домом. Чемоданы уже лежали в машине.

— Отойдите от автомобиля, — приказал Ла Ту, показывая ей свое удостоверение.

— У нас к вам несколько вопросов, мэм, — добавил Тол.

— Опять вы! Что вам еще нужно? — сердито воскликнула она, но подчинилась.

— Собрались уехать из города? — Ла Ту снял сумочку с плеча. — Руки не поднимайте.

— У меня встреча, которую я не могу пропустить.

— На Гавайях?

Сандра попыталась перехватить инициативу.

— Я — адвокат, как и говорила вам. Я выясню, как вы добыли эту информацию, и дай-то Бог, чтобы у вас был ордер на обыск.

— Встреча на Гавайях? — повторил Ла Ту. — С открытой датой обратного вылета?

— На что вы намекаете ?

— Вам не кажется, что выглядит все это довольно странно? Вы улетаете к южным морям через несколько дней после смерти родителей. Не идете на похороны.

— Похороны — для зевак. Я уже попрощалась с родителями. Смирилась с их смертью. Они бы не хотели, чтобы из-за похорон я пропустила важную встречу. Мой отец был еще и бизнесменом. Вот и я — не только дочь, но и бизнесвумен. — Ее взгляд переместился на Тола. — Ладно, вы загнали меня в угол, Симмс. — Она кивнула на сумочку. — Все там. Улики, доказывающие, что я убегаю из округа после того, как... что?.. украла деньги моих родителей? Что именно, по-вашему, я

сделала?

— Пока мы вас ни в чем не обвиняем. Просто хотим…

— …задать вам несколько вопросов.

— Так задавайте, черт бы вас побрал.

Ла Ту читал какой-то многостраничный документ, который достал из сумочки. Хмурясь, передал Толу и спросил у Сандры:

— Можете сказать мне, где вы были в тот вечер, когда умерли ваши родители?

— Зачем?

— Послушайте, вы или содействуете нам, или упираетесь, но тогда…

— Мы поедем в центр города. Да, да, да. Я это уже слышала.

Ла Ту недоуменно посмотрел на Тола. «Какой центр города?» Тол пожал плечами, продолжая читать. Это был бизнес-план создания компании совместного венчурного энергетического предприятия на Гавайях. Юридическая фирма Сандры представляла интересы одной из сторон. До совещания на Гавайях оставалось два дня. К документу была приколота служебная записка с предупреждением, что переговоры могут затянуться, а потому обратный билет лучше брать с открытой датой вылета.

Прокол.

— Поскольку я спешу в аэропорт, и у меня нет времени на поездки в центр города, я скажу, где была в тот вечер. В самолете. Возвращалась из Сан-Франциско рейсом «Юнайтед эйрлайнс». Самолет приземлился около одиннадцати. Мой посадочный талон, скорее всего, там. — Сандра пренебрежительно указала на сумочку, которую держал в руках Ла Ту. — А если его там нет, я уверена, что авиакомпания по вашему запросу предоставит список пассажиров того рейса. Учитывая нынешний уровень безопасности авиаперелетов, необходимость предъявлять удостоверение личности с фотографией и все такое, это достаточно надежное алиби, не так ли?

Зазвонивший мобильник Тола дал ему возможность отвернуться от мечущих молнии глаз Сандры. Он услышал голос Шелли: «Эй, босс, это я».

— Что такое?

— Звонили из группы осмотра. Они обследовали золу в камине Уитли, искали письмо или что-то еще насчет изменения завещания. Ничего не нашли. Только какую-то информацию о компьютерных и биотехнических компаниях. Эксперт думает, что мистер Уитли разжигал огонь какими-то старыми бумагами.

Тол отвел Ла Ту в сторону и доложил о результатах, полученных группой осмотра.

— Мы в полном дерьме, — прошептал тот. — Поторопились приехать сюда…

Долго извиняться не пришлось: Сандра твердо решила успеть на самолет. Вылетела с подъездной дорожки, оставив детективов в синем

облаке выхлопных газов.

— Ладно, она обо всем забудет, — махнул рукой Ла Ту и добавил: — Нам все еще надо найти ту загадочную крошку в солнцезащитных очках и бейсболке.

Тол подумал о том, что Мак Маккэффри могла заметить кого-нибудь около дома Уитли. Кроме того, это был хороший предлог для встречи.

— Я с этим разберусь.

— Ты? — рассмеялся Ла Ту.

— Да. Я. А что тут смешного?

— Не знаю. Просто ты никогда не расследовал убийство.

— И что? Думаешь, я не знаю, как допросить свидетеля? Думаешь, я способен только на то, чтобы идти домой и обниматься с калькулятором?

В ответ — молчание. Тол пожалел, что эти слова сорвались с языка.

Он намеревался встретиться с ней, чтобы узнать, не видела ли она около дома Уитли загадочную женщину в бейсболке и солнцезащитных очках, которая ездила на маленьком автомобиле.

Потом решил, что предлог, мягко говоря, не соответствует действительности.

И очень уж прозрачный, поскольку этот самый вопрос он мог задать и по телефону. На самом деле, ему хотелось другого: понять, что он почувствует, если бы пришлось пригласить Мак Маккэффри пообедать. Нет, пригласить он ее не мог, во всяком случае, на этом этапе, потому что она могла стать свидетельницей на судебном процессе. Но ему хотелось проверить свои чувства.

Тол припарковался на улице Вязов, вылез из машины и, наслаждаясь свежим, благоухающим ароматами цветов, апрельским воздухом, направился к парку, где они договорились встретиться.

Мак уже сидела на скамейке в ожидании.

— Привет, — поздоровался он.

— Привет. Ничего, что мы встретились на свежем воздухе? Мне так надоело сидеть под крышей.

— Нет, здесь прекрасно.

— Я никак не могу понять, почему вас заинтересовала смерть Уитли? — спросила Мак.

— Я же вам говорил. Они выбиваются из общего ряда.

— Наверное, я не так сформулировала вопрос. Почему вы заинтересовались этими смертями? Вы кого-нибудь потеряли? Я хочу сказать, кто-то в вашей семье покончил с собой?

— О, нет. Мой отец жив. Мать умерла. От инсульта.

— Извините. Должно быть, совсем молодой.

— Да, к сожалению.

— Ваш отец живет где-то неподалеку?

— Нет. Он — профессор в Чикаго.

— Математики?

— Естественно. Это семейное.

— Все эти сложения и вычитания. Вам… ну, я не знаю… не скучно?

— Нет, наоборот. С числами не соскучишься. Бесконечные вопросы, проблемы. И помните, математика гораздо больше, чем просто расчеты. Числа позволяют нам познавать мир. А контролировать мы можем только то, что познали.

— Контролировать? — Она вдруг стала серьезной. — Числам не под силу уберечь от травмы. От смерти.

— Конечно же, могут уберечь, — возразил Тол. — Числа заставляют тормоза работать, а самолеты летать, они же позволяют позвонить по номеру девять-один-один. Медицина, наука, все держится на числах. А почему вы избрали эту сферу деятельности?

— Я всегда хотела заботиться о людях… или животных, — объяснила Мак. — Если у кого-то из знакомых что-то случалось с собакой, кошкой, птичкой, я всегда старалась помочь. Не могла видеть, как кто-либо страдает от боли. Собиралась пойти в медицинскую школу, но мама заболела, отца не было, так что, пришлось отказаться от намеченного… ну, на несколько лет.

Об отце она больше не сказала ни слова. И Тол чувствовал, что говорить о нем ей совершенно не хочется.

— Почему я занимаюсь психологической поддержкой тяжело больных людей? Наверное, из-за матери. Ей выпала тяжелая смерть. И никто особо не помогал. За исключением меня, но я тогда мало что знала и умела. Больница, в которой она лежала, никакой поддержки ей не оказывала. Поэтому, по прошествии какого-то времени, я решила поработать в этой области. Заботиться о том, чтобы пациенты до самого конца чувствовали уход и заботу. Мне нравится работать с ними. И у меня получается. Стараюсь убедить их не жалеть себя, бодриться. Иногда могу выпить с ними шотландского или вина, рассказываю им анекдоты о смерти.

— Анекдоты о смерти? — переспросил Тол.

— Именно. Вот один из них. Я хочу умереть, как мой дедушка, во сне… Не кричать, как пассажиры в его автомобиле.

Тол моргнул, потом расхохотался. А она широко улыбнулась, довольная результатом.

— Слушайте, а есть статистический анекдот. Хотите услышать?

— Конечно.

— По данным статистики, человека грабят каждые четыре минуты. И ему это уже стало надоедать.

— Действительно, статистический анекдот, — засмеялась Мак.

— Стараемся, — улыбнулся Тол и тут же добавил: — Но доктор Дехоивен говорит, что ваш Центр поддержки — не только смерть и умирание. Там многое делают для того, чтобы помочь пациенту перед операцией и после нее.

— Да, конечно, — кивнула Мак. — Это очень важная часть нашей работы. Физические упражнения, диета, сиделки, привлечение родственников, психотерапия.

— Я хочу задать вам вопрос, связанный с самоубийствами. Некоторые свидетели говорят, что видели женщину в солнцезащитных очках и бежевой бейсболке, которая отъезжала на маленьком автомобиле от дома Бенсонов буквально перед тем, как они покончили с собой. Я вот и подумал. Может, вы знаете, кто это мог быть?

— Я? — Мак нахмурилась. — Но я никогда не встречалась с Бенсонами.

— Нет, я говорю про Уитли.

— А-а-а… Их дочь приезжала несколько раз.

— Нет, речь не о ней.

— У них была приходящая горничная. Но она ездит на минивэне. И я никогда не видела ее в бейсболке.

Голос как-то разом ослаб, и Тол понял, что настроение у нее быстро переменилось. Возможно, потому, что он упомянул Уитли. Она могла корить себя за то, что чего-то не сделала, не уберегла их от самоубийства.

Разговор как-то незаметно иссяк. Они, как по команде, посмотрели на часы, попрощались, поднялись со скамейки и зашагали по одной дорожке, но в разные стороны.

Шелли возникла на пороге кабинета Тола, где обосновались статистик и Ла Ту.

— Кое-что нашла.

— Где ты все это раздобыла? — Ла Ту поглядывал на пачку документов, которые Шелли протягивала своему боссу.

— В интернете, — фыркнула Шелли, выходя из кабинета. — Где же еще?

— Она так много там нарыла? — Здоровяк-коп взял бумаги, начал их пролистывать. Затем протянул бумаги Толу. — Не могу читать это дерьмо. Сплошные цифры. Объясни, что к чему.

Тол просмотрел бумаги. Цифр и чисел хватало, но многое было непонятно. Однако ближе к концу он, наконец, догадался. Нахмурился, прочитал вновь.

— Господи!

— Что еще?

— Возможно, мы нашли преступников.

— Не шутишь?

Эти документы Шелли взяла из медицинского раздела сайта защиты прав потребителей. В них сообщалось, что в Администрации по контролю за продуктами питания и лекарствами возникли сомнения относительно «Люминакса»: клинические испытания показали, что препарат может вызывать галлюцинации. Во всяком случае, несколько участников испытаний сообщили о галлюцинациях, которые, по их

разумению, были вызваны «Люминаксом». Другие участники жаловались на резкую смену настроения. Впрочем, такие симптомы наблюдались лишь у очень малой доли людей, принимавших препарат, менее чем у десяти процентов. Но побочные действия оказались настолько сильными, что одобрение препарата Администрацией было под большим вопросом.

Шелли также выяснила, что это федеральное ведомство год назад разрешило использовать «Люминакс» на территории США, несмотря на выявленные особенности препарата.

— Все понял, — кивнул Ла Ту. — Монтроз дал денег, чтобы получить необходимое разрешение, а потом приглядывал за теми, кто принимал «Люминакс», чтобы выявлять тех, у кого проявлялись побочные эффекты.

Копы поразмышляли над тем, а мог ли Монтроз организовывать убийство таких пациентов, чтобы проблемы, связанные с приемом «Люминакса», не всплыли на поверхность. Ла Ту поначалу в этом засомневался, но потом Тол нашел распечатку, в которой указывалось, что деньги Монтроз зарабатывал только на этом препарате, и годовая выручка составляла тридцать восемь миллионов долларов.

Их второй постулат гласил: Карен Биллингс, директор по связям с пациентами, могла быть женщиной в бейсболке и солнцезащитных очках, которая заезжала к Бенсонам и оставила следы от шин и волокна от перчаток у Уитли. Она могла провести с ними какое-то время, подсыпать им лошадиную дозу «Люминакса», уговорить на покупку справочника для самоубийц и помочь им уйти из жизни.

— Странные отношения с пациентами, — пробурчал Ла Ту. — Поехали к ним.

Не обращая внимания на беспорядок на столе, Тол выдвинул верхний ящик, достал пистолет и повесил его на ремень.

Ла Ту наблюдал за ним с легкой улыбкой.

— Сделай одолжение. До этого, думаю, дело не дойдет, но, если уж так сложится, стрелять буду только я, договорились?

До прибытия медсестры Маккэффри оставалось совсем ничего.

Нет, ее зовут Мак, напомнил себе Роберт Коуви.

Он стоял перед баром и, наконец-то, выбрал отличный марочный портвейн урожая 1977 года. Подумал, что это вино идеально подойдет к синему сыру «Сага» и креветкам, которые он поставил на стол для нее, к крекерам и обезжиренному творогу, которые собирался есть сам.

Да, Мак ему очень понравилась. Пугало, что через несколько минут она увидит его и все поймет.

И от этой мысли по телу разливалось тепло.

Об одном, правда, она догадаться не сможет: о том, что он ей солгал.

«Вы с ним часто видитесь?»

«Постоянно».

«Когда говорили в последний раз?»

«Вчера».

«Вы сказали ему о вашем состоянии?»

«Будьте уверены».

Коуви регулярно звонил сыну, оставлял сообщения на его автоответчике на работе и дома. Иногда сын снимал трубку, но лишь когда Коуви звонил с другого телефона, и сын не мог узнать номер.

За последнюю неделю он дважды оставил сообщения на домашнем автоответчике сына. Он никогда не был у него в гостях, но его воображение рисовало себе прекрасный дом в Лос-Анджелесе с видом на океан.

В любом случае, где бы ни стоял дом, высоко на склоне, откуда открывался вид на океан, или в низине, сын ни разу ему не перезвонил.

«Почему? — частенько в отчаянии думал Коуви. — Почему?»

Он сел, налил себе стакан портвейна, медленно выпил, чтобы не впасть в тоску. Взял альбом и начал пролистывать страницы.

Неожиданно на него навалились грусть и тревога. Он медленно поднялся, прошел на кухню и принял две таблетки «Люминакса».

Скоро они подействовали, он почувствовал себя бодрее, настроение улучшилось, тревоги и заботы, как рукой сняло.

Да, чертовски хорошие таблетки.

Коуви обдумывал важный вопрос: нужно ли сказать Рэнди о его болезни и предстоящей операции? Он знал, медсестра Мак хотела бы, чтобы он сказал. Но Коуви этого делать не собирался. Не хотел выглядеть слабаком. Или сын вернется к нему сам, или не вернется совсем. Он не хотел использовать такое оружие, как жалость.

Он посмотрел на часы. Мак должна прийти через пятнадцать минут.

Он решил использовать это время продуктивно, позвонить по телефону. Первым набрал номер доктора Дженни, подтвердил, что приедет на следующий прием. Потом оставил сообщение на автоответчике Чарли Ханлону, вдовцу, который жил на той же улице, о походе в кино на следующий уик-энд. И, наконец, договорился о завтрашней встрече насчет какого-то особого альтернативного лечения, которое ему порекомендовали в больнице.

Несмотря на спокойствие, гарантированное препаратом, Коуви опять вдруг испытал всплеск тревоги. Не имевшей отношения ни к его сердцу, ни к грядущим операциям, ни к связанной с ними опасностью для жизни, ни к забывшему его сыну, ни к завтрашнему знакомству с новым видом лечения. Нет, заволновался он по другому поводу: а вдруг Мак не понравится синий сыр?

Коуви поднялся, поспешил на кухню, открыл холодильник и начал искать другую закуску.

— Туда нельзя.

Но они прошли.

Ла Ту и Тол протолкались мимо секретарши в кабинет Даниэля Монтроза.

За круглым, со стеклянной поверхностью, столом сидели президент компании и Карен Биллингс.

Монтроз поднялся, Карен отодвинулась от стола.

— Не двигайтесь! — рявкнул Ла Ту. — Почему вы не рассказали нам о проблемах с «Люминаксом»?

Президент переглянулся с Биллингс и откашлялся.

— Проблемах?

Тол бросил на стол материалы, почерпнутые с сайта потребителей. Монтроз наклонился и начал читать.

Ла Ту тем временем обратился к Биллингс:

— Можете сказать, где вы были вечером седьмого и девятого апреля?

— О чем вы говорите?

— Это очень простой вопрос. Где вы были?

— Я не будут отвечать ни на один вопрос без моего адвоката. — Карен сложила руки на груди, откинулась на спинку стула и встретилась с Ла Ту взглядом.

— Почему вы не сказали нам об этом? — Тол указал на документы.

— Диметиламин, — обратился Монтроз к Биллингс.

— Они это выяснили? — удивилась она.

— Да, мы это выяснили, — буркнул Ла Ту.

Монтроз повернулся к Толу.

— Что именно вы нашли в крови жертв?

— Ну... «Люминакс».

— У вас есть заключение коронера?

Тол достал заключение из кейса и положил на стол.

— Вот.

Монтроз внимательно прочитал документ.

— Слова «Люминакс» тут нет.

— Что вы такое говорите? Это...

Монтроз его перебил.

— Цитирую: «9-флуоро, 7-хлоро-1,3-дегидро-1-метил-5-финил-2Н-1,4-бензодиазе-пин, 5-гидроклидтриптамин и N-(1-фенелтил-4-пиперидил) пропионанилид цитрат».

— Неважно, — рявкнул Ла Ту. — Это — «Люминакс». Так сказал медицинский эксперт.

— Совершенно верно, — выкрикнула Карен. — Это одобренная формула препарата.

Ла Ту хотел что-то сказать, но промолчал.

— Одобренная? — неуверенно переспросил Тол.

— Посмотрите на первоначальную формулу, — предложил Монтроз.

— Первоначальную?

— Ту, которую отвергла Администрация по контролю. Она есть в вашей распечатке.

Тол начал понимать, куда все идет, и конечный пункт ему определенно не нравился. Он нашел нужный листок и сравнил приведенную там формулу с указанной в заключении коронера. Первоначальная содержала еще и другую субстанцию, сложный эфир диметиламин-этил-фосфат.

— Что...

— Легкий антипсихотик, известный как ДЭФ. Он вызывал проблемы с первой версией препарата. Комбинация этих двух веществ обладала психоделическим эффектом, который проявлялся у некоторых больных. Как только мы убрали ДЭФ, Администрация по контролю сразу одобрила препарат. Это произошло год назад. Вы не обнаружили в крови ДЭФ. Жертвы принимали одобренную версию препарата. Ни одна таблетка «Люминакса», в состав которого входил ДЭФ, не продавалась.

— И у нас не было ни единого случая самоубийства среди шести миллионов человек, которые принимают «Люминакс» в десятках стран мира, — пробормотала Биллингс. — И многие, возможно, живы только потому, что начали принимать «Люминакс» и не покончили с собой.

Монтроз взял со своего стола толстенную папку и положил перед детективами.

— Здесь результаты исследований и разрешение Администрации по контролю. «Никаких вредных побочных эффектов. Безопасен даже в сочетании с умеренным количеством алкоголя».

— Хотя мы не рекомендуем принимать препарат и при этом выпивать, — ледяным тоном отчеканила Биллингс.

— Почему вы не рассказали нам все это раньше? — пробурчал Ла Ту.

— Вы не спрашивали. Все лекарства проходят длительный период клинических испытаний, пока мы пытаемся сделать их безопасными, исключая вредные побочные эффекты. — Монтроз написал телефонный номер на вырванном из блокнота листке. — Если вы все еще не верите нам, вот телефон соответствующего отдела Администрации по контролю. Позвоните им.

— Дорогу сюда вы нашли сами, — на прощание сказала им Биллингс. — Полагаю, и выберетесь отсюда без нашей помощи.

Тол, поникнув плечами, сидел за столом в своем кабине. Ла Ту устроился напротив, положив ноги на край стола статистика.

— И куда же нам теперь идти? — пробормотал Тол. — Ни тебе жадной дочери, ни торговца лекарствами, думающего только о прибыли. И мы предстали полными идиотами в глазах двух крутых женщин. — Статистик вздохнул. — Куда же нам теперь идти? Может, они действительно покончили с собой? Черт, иногда некоторые люди не справляются с жизненными трудностями.

— Но ты так не думаешь.

— Я чувствую, что это не так, но чувства — это не факты. Когда я начинаю чувствовать, обязательно попадаю впросак.

— А мир вертится и вертится. — Ла Ту потянулся. — Не пора ли по

пиву?

Но Толу было не до пива. Он смотрел на груду бумаг на своем столе, распечатки, графики, листки, фотографии, надеясь, что найдет хоть какую-то зацепку, которая им поможет.

Зазвонил телефон, и Тол схватил трубку.

— Слушаю.

— Это детектив Симмс?

— Совершенно верно.

— Я — Билл Фендлер, из книжного магазина «Оук-Крик букс» в Барлоу-Хайтс. Кто-то позвонил мне из вашего офиса и попросил дать вам знать, если мы продадим книгу «Последнее путешествие: полный справочник по самоубийству и эвтаназии».

Тол даже подпрыгнул на стуле.

— Совершенно верно. Вы продали?

— Я только что проводил инвентаризацию и выяснил, что в последние два дня мы продали одну такую книгу.

— Можете сказать, кто ее купил?

— Вот об этом мне и хотелось бы поговорить… Я не уверен, этично ли это. Подумал, что будет лучше, если вы получите ордер в суде.

— У нас есть основание подозревать, что кто-то использует книгу, чтобы прикрыть серию убийств. Вот почему мы обратились к вам с такой просьбой. Насчет этики, конечно, вы правы, но я прошу назвать имя человека, купившего эту книгу. Возможно, вы сможете предотвратить еще одно убийство.

Пауза.

— Ладно. Ручка у вас есть?

— Говорите. — Тол начал записывать имя. Остановился. — Вы уверены?

— Абсолютно, детектив, чек лежит передо мной.

Трубка в руке Тола словно налилась свинцом. Он дописал имя и фамилию, показал листок Ла Ту и спросил:

— Что будем делать?

Ла Ту изумленно вскинул брови.

— Получать ордер на обыск. Вот что мы будем делать.

Ордер они получили в два счета, поскольку у Ла Ту сложились прекрасные отношения практически со всеми судьями округа Уэстбрук, и скоро уже подъезжали к скромному бунгало, расположенному в маленьком городке Гаррисон-Виллидж. Тол и Ла Ту поднялись в спальню, трое полицейских обследовали комнаты на первом этаже.

Ящики, полки, дверные шкафы…

Тол не знал, что именно они ищут, он полагался на мнение Ла Ту. У здоровяка-копа был нюх на потайные места, но именно Тол нашел жакет с белыми ворсинками, вроде бы такими же, как нашли в доме Уитли.

Это была ниточка, но очень уж тоненькая.

— Сэр, я нашел кое-что вне дома! — послышался голос снизу.

Они прошли в гараж, где один из полицейских стоял над маленьким чемоданчиком, вытащенным из-под груды коробок. Внутри находились два больших бутыля с «Люминаксом», в каждом из которых оставалось лишь по несколько таблеток. На наклейках не было логотипа аптеки, номера рецепта и фамилии пациента, которому прописали лекарство. В такой расфасовке препарат, похоже, продавался больницам. Эти бутыли приобрел Центр поддержки кардиологических больных. В чемоданчике лежали также статьи, вырезанные из журналов и газет. В одной, датированной несколькими годами раньше, речь шла о медицинской сестре, которая убивала пациентов в интернате для престарелых. В заметке цитировались ее слова: «Я поступала правильно, помогая этим людям умереть с достоинством. За их смерть я не получала ни цента. Я только хотела избавить их от лишних страданий. Мое худшее преступление в том, что я — ангел милосердия». В других статьях говорилось о благе эвтаназии. В некоторых содержались практические советы, поясняющие, как помочь людям «уйти» из жизни.

Тол отступил на шаг, скрестив руки на груди и тупо глядя на находку.

В гараж вошел другой полицейский.

— Нашел вот это за письменным столом на первом этаже.

Руками, затянутыми в перчатки, Тол взял документ — медицинская карта Бенсона из Центра поддержки кардиологических больных. Раскрыл, просмотрел несколько страниц.

Ла Ту что-то сказал, но статистик его не расслышал. До этого момента он еще надеялся, что факты говорят о другом, просто они неправильно их истолковывают. Но настоящий математик всегда признает истину, пусть от этого и разрывается сердце.

В том, что Маккэффри — убийца, сомнений не было.

Поначалу она прокололась только в одном: купила справочник для самоубийц. Потом, уже здесь, в доме, они нашли бутыли с «Люминаксом» и статьи по эвтаназии. И, наконец, в медицинской карте Бенсона, в графе медсестра/консультант, стояла ее фамилия. Она солгала, сказав, что никогда с ним не работала.

Здоровяк-коп снова что-то произнес.

— Что ты спрашиваешь? — пробормотал Тол.

— Как, по-твоему, где она?

— Наверное, в больнице. В Центре поддержки кардиологических больных.

— Ты готов? — спросил Ла Ту.

— К чему?

— К своему первому аресту.

С синим сыром он действительно погорячился.

Но вот остальная еда медсестре Мак понравилась.

— Никто никогда не угощал меня закусками. — Ее определенно

тронула забота Коуви.

— Просто таких джентльменов, как я, больше не осталось.

И благослови ее, Господи. Перед ним сидела женщина, которая не тревожилась из-за своего веса. Намазала толстый слой гусиной печени на крекер, съела, тут же потянулась за креветкой.

Коуви сидел на диване в некотором недоумении. Он помнил ее строгость по первой встрече и ожидал, даже рассчитывал на то, что они опять поспорят насчет диеты и физических упражнений. Но про физические упражнения она упомянула только один раз, после того, как открыла дверь черного хода.

— Прекрасный двор.

— Спасибо. Ландшафтным дизайнером была Вер.

— И какой хороший бассейн. Вам нравится плавать?

Он сказал ей, что раньше нравилось, но после того, как у него обнаружили болезнь сердца, он не решается плавать в одиночестве, боится, что прямо в бассейне потеряет сознание, или у него случится сердечный приступ, и он утонет.

Медсестра Мак кивнула. Но думала она о чем-то еще ...

— Вам, наверное, интересно, о чем я сегодня собираюсь с вами поговорить?

— Да, мэм, разумеется.

— Что ж, с этого и начнем. Я здесь для того, чтобы уговорить вас сделать то, чего делать вам, возможно, не хочется.

— Ага, будем вести переговоры, так? Речь пойдет и о четвертом стаканчике портвейна?

Она улыбнулась.

— Нет, мы поговорим о более серьезном. Но, раз уж вы об этом упомянули, — она поднялась и прошла в бар. — Вы не возражаете, не так ли? — Она взяла бутылку выдержанного «Тейлор-Флэдгейт», подняла на уровень глаз, чтобы посмотреть на просвет.

— Я бы возражал, если бы вы собирались вылить вино в раковину. А если мы немного выпьем, какие тут могут быть возражения?

— Почему бы вам не принести еще еды? А я останусь за бармена.

Когда Коуви вернулся с кухни, медсестра Мак уже налила большой стакан, протянула ему, наполнила свой, и они пригубили портвейн.

— Так о чем речь, почему вы такая загадочная?

— О чем речь? — промурлыкала Мак. — Об избавлении от боли, обретении покоя. Иногда человек не может дойти до этого сам, и ему нужно помочь.

— С этим не поспоришь. Но что вы имеете в виду? В данном, конкретном случае?

Мак наклонилась вперед, вновь чокнулась с ним.

— Выпьем. — И они выпили рубиновую жидкость.

— Скорей, скорей, скорей!

— Хочешь сесть за руль? — прокричал Ла Ту, перекрывая рев

двигателя. Сворачивая с шоссе, их автомобиль задел колесом бордюр и едва не перевернулся.

— Во всяком случае, я знаю, как вести машину, — ответил Тол. — Дави на газ!

— Заткнись, мешаешь сосредоточиться.

Они задели другой бордюр, и Тол решил, что от криков толку не будет, а потому замолчал.

За ними ехала еще одна патрульная машина.

— Здесь налево, — пробормотал Тол.

Ла Ту свернул, не снижая скорости, на длинную подъездную дорожку, в конце которой стоял маленький темно-синий седан. Эту машину свидетели видели около дома Бенсонов, эта машина оставила следы около дома супругов Уитли в тот день, когда они умерли.

Заглушив сирену, Ла Ту остановился перед седаном. Патрульная машина припарковалась сзади, взяв седан в «клещи».

Четверо полицейских выскочили из своих автомобилей и побежали к дому. Поравнявшись с седаном, Тол заглянул на заднее сиденье и увидел светло-коричневую бейсболку, какую женщина, приехавшая на седане, носила около дома Бенсонов.

На удивление ловко для мужчины таких габаритов, Ла Ту открыл дверь и влетел в дом в сопровождении полицейских.

Они остановились, глядя на двух изумленных людей.

Одним из них был Роберт Коуви, сидел на диване живой и невредимый.

Женщина, которая собиралась его убить, Мак Маккэффри, стояла рядом с ним с широко раскрытыми глазами. В руке она держала стакан вина, несомненно, щедро сдобренный «Люминаксом». Тол заметил открытую дверь во двор, большой плавательный бассейн. Следовательно, на этот раз она решила обойтись как без огнестрельного оружия, так и без выхлопных газов. Коуви предстояло утонуть в бассейне.

— Тол! — ахнула Маккэффри.

Он ничего не ответил. Ла Ту выступил вперед, чтобы надеть на нее наручники. Детектив, занимающийся расследованием убийств, четко знал, что нужно делать в таких ситуациях.

Ла Ту заглянул в сумочку Мак и нашел справочник для самоубийств.

Роберт Коуви находился в машине «Скорой помощи», подъехавшей к дому, его осматривали врачи. Вроде бы он вел себя адекватно, но они хотели подождать, поскольку большая часть «Люминакса» еще не всосалась в кровь.

Найдя в доме Мак неопровержимые улики ее вины, Тол и Ла Ту поспешили в больницу. Маккэффри на месте не оказалось, но доктор Дехоивен, возглавляющий ЦПКБ, поднял список ее клиентов и график встреч с ними. Так они узнали, что в тот самый момент она встречалась с Коуви, и помчались к дому старика.

Ла Ту хотел просто доставить Мак в полицейское управление, чтобы там оформили все бумаги и отправили ее за решетку, но Тол слишком разнервничался, чтобы лично не прижать ее к стенке.

— Вы знали Дона и Сай Бенсонов. Дон был вашим пациентом. Вы мне солгали.

Мак хотела что-то сказать, но опустила полные слез глаза и уставилась в пол.

— Мы нашли медицинскую карту Бенсона в вашем доме. И компьютер в ЦПКБ показал, что вы стерли все сведения о Бенсонах. Вы находились в их доме в тот день, когда они покончили с собой. Это вас свидетель видел в бейсболке и солнцезащитных очках. И вы были у Уитли. Вы их тоже убили.

— Я никого не убивала!

— Хорошо, прекрасно… вы помогли им наложить на себя руки. Накачали их «Люминаксом», а потом уговорили на самоубийство. После чего замели следы, — он повернулся к патрульным. — Увезите ее!

— Я не сделала ничего плохого! — крикнула Маккэффри, когда ее уводили.

— Чушь собачья, — пробурчал Ла Ту.

А Тол подумал: «А ведь она действительно верила, что не делала ничего плохого».

Но улики были неопровержимыми. Медсестра Маккэффри убила четырех людей и, несомненно, намеревалась убить десятки других. В пятницу она накачала Бенсонов «Люминаксом» и помогла им уйти из жизни. В воскресенье позвонила Уитли по телефону-автомату, убедилась, что они дома, приехала и устроила их самоубийство. Потом прибралась, забрала пузырьки с «Люминаксом» и не уезжала, пока они не умерли.

Она решила посвятить жизнь облегчению страданий больных людей, потому что ее мать настрадалась перед смертью. Но под облегчением страданий подразумевала быстрый уход из жизни.

Роберт Коуви вернулся в дом. Потрясенный морально, но физически в полном порядке. «Люминакс» в крови присутствовал, но не в опасной концентрации.

— Она казалась такой милой, такой нормальной, — пробормотал он.

«Именно так», — с горечью подумал Тол.

Он и Ла Ту заполнили какие-то бумаги, потом направились к автомобилю Ла Ту. Тол тяжело плюхнулся на переднее сиденье и уставился прямо перед собой. Ла Ту с улыбкой повернулся к нему.

— Мы еще сделаем из тебя копа, Эйнштейн.

Тол защелкнул ремень безопасности, подумав, что меньше всего на свете ему хочется стать настоящим копом.

Загудел аппарат внутренней связи.

— Мистер Коуви, сэр.

— Уже иду. — Доктор Уильям Фарли поднялся из-за письменного

стола.

Сорока восьми лет, худой, как жердь, с вечно растрепанными волосами, он, тем не менее, прилагал немало усилий для того, чтобы выглядеть респектабельно, не ученым-бессребреником, а бизнесменом от медицины. Вот и теперь надел сшитый по фигуре пиджак, костюм обошелся ему в тысячу долларов, и пустил в ход расческу.

Остановился у двери, глубоко вдохнул и вышел в коридор, который вел в главный вестибюль фонда. Там он нашел регистратора и пожилого мужчину, сидевшего на большом мягком диване.

— Мистер Коуви? — спросил доктор, протягивая руку.

Мужчина поставил на столик чашку кофе, полученную от регистратора, и они обменялись рукопожатием.

— Доктор Фарли?

— Пройдемте в мой кабинет.

В кабинете Фарли указал на кресло, а сам сел за массивный стол. На Коуви этот стол впечатления не произвел, поэтому Фарли несколько удивился. Богачом Коуви не выглядел: костюм из обычного магазина, полоски галстука не гармонировали с полосками рубашки. Однако директор фонда «Лотос» достаточно много общался с богатыми людьми, чтобы знать, что самые богатые зачастую ездят на «тойотах» с газово-бензиновым двигателем, чтобы экономить на стоимости горючего, и носят пыльники, пока они не протрутся до дыр.

Фарли налил кофе в две чашки, одну предложил Коуви.

— Как я и говорил вам вчера по телефону, я мало что знаю о состоянии вашего сердца. Ваш кардиолог — Дженнифер Ленсдаун, так?

— Совершенно верно.

— И вас консультируют в Центре поддержки кардиологических больных?

Коуви нахмурился.

— Консультировали.

— Теперь нет?

— Возникла проблема с медсестрой, которую они мне прислали. Я еще не решил, вернусь ли к ним. Но это — совсем другая история.

— Что ж, мы думаем, вы могли бы стать достойным кандидатом для нашего фонда. В некоторых случаях мы предлагаем нашим пациентам специальную программу.

— В каких случаях?

— Если состояние тяжелое.

— «Лотос» — фонд альтернативного лечения, — процитировал Коуви. — Поправьте меня, если я не прав, но я не думаю, что женьшень и акупунктура могут помочь, если болезнь сердца зашла слишком далеко.

— Это не по нашей части. — Фарли пристально смотрел на него. — Вы — бизнесмен, сэр?

— Был им. Полвека.

— В какой области?

— Производство. Потом — венчурный капитал.

— Тогда, как я понимаю, вы бы хотели сразу перейти к делу.

— Вы понимаете правильно.

— Что ж, позвольте задать вам вопрос, мистер Коуви. Хотели бы вы жить вечно?

— Как это?

Фарли научился не только чистить ботинки и произносить слова, содержащие более четырех слогов, но и играть со своими пациентами, как кошка с мышкой. Знал, как разжечь их любопытство.

— Я бы хотел рассказать вам о фонде. Но сначала попрошу вас подписать вот этот документ, — он открыл ящик стола и передал бумагу Коуви.

Тот пробежал глазами текст.

— Договор о неразглашении.

— Это стандартная процедура.

— Знаю, — кивнул старик. — Я их наподписывался. Почему вы хотите, чтобы я его подписал?

— Чтобы вы не сделали достоянием публики все то, что я собираюсь вам рассказать.

Его слова заинтриговали старика, Фарли это видел, пусть тот и пытался это скрыть.

— Если вы не хотите ставить свою подпись, я вас пойму. Но тогда, боюсь, мы не сможем продолжить наш разговор.

Коуви еще раз прочитал текст.

— Ручка есть?

Фарли протянул ему «Мон Блан». Коуви расписался и вернул ручку и документ.

Бумагу Фарли тут же убрал в стол.

— Доктор Ленсдаун — хорошая, добрая женщина. И она сделает все, на что способна наука, чтобы подлатать ваше сердце и дать вам еще несколько лет жизни. Но медицинская наука невсесильна. В конце концов, мистер Коуви, мы все умрем. Вы, я, дети, которые рождаются в эту самую минуту. Святые и грешники… нам всем суждено умереть.

— У вас интересный подход, доктор. Вы так подбадриваете всех ваших пациентов?

Доктор Фарли улыбнулся.

— В наши дни мы много чего слышим о старении и о людях, которые пытаются навсегда остаться молодыми.

— Навсегда — это интересно. Продолжайте.

— Мистер Коуви, вы слышали о правиле Хейфлика?

— Нет. Никогда.

— Названо в честь человека, который открыл, что человеческие клетки могут репродуцироваться ограниченное число раз. Сначала репродукция идеальная. Но через какое-то время они не могут поддерживать прежний уровень контроля качества. Поэтому вновь

вырабатываемые клетки становятся менее эффективными.

— Почему?

— Есть важная цепочка в ДНК, которая укорачивается с каждым воспроизводством клетки. Когда она становится слишком короткой, клетка сходит с ума и не может репродуцироваться должным образом. Иногда этот процесс полностью прекращается.

— В принципе, я понимаю, о чем вы говорите. Но попрошу не налегать на биологию. В этом я не силен.

— Разумеется, мистер Коуви. Есть несколько способов обойти правило Хейфлика. В будущем станет возможно увеличить продолжительность жизни на десятки, может, даже сотни лет.

— Но не навсегда.

— Совершенно верно.

— Так давайте ближе к делу.

— Мы никогда не сможем создать человеческое тело, которое сможет прожить несколько сотен лет. Законы физики и природа этого не разрешают. А если бы и смогли, не следует забывать, что случаются болезни и несчастные случаи, которые укорачивают жизнь.

— Ваше повествование все веселее и веселее.

— Доктор Ленсдаун сделает для вас все возможное, чем располагает современная медицина, и Центр поддержки кардиологических больных окажет вам всестороннюю помощь.

— Тут все зависит от медсестры, — пробормотал Коуви. — Продолжайте.

— И вы сможете прожить еще пять, может, и пятнадцать лет... Или можете рассмотреть нашу программу. — Фарли протянул Коуви визитную карточку и указал на логотип фонда «Лотос» — золотой цветок. — Вы знаете, что означает лотос в мифологии?

— Понятия не имею.

— Бессмертие.

— Такое возможно?

— Первобытные люди видели, как лотос вырастает из воды в руслах рек, которые до этого пересыхали на многие годы. Вот они и думали, что эти цветы бессмертны.

— Вы говорили, что не ваших силах уберечь человека от смерти.

— Не в наших. Вы умрете. А то, что мы вам предлагаем, можно назвать реинкарнацией.

Коуви пренебрежительно фыркнул.

— Я уже тридцать лет как перестал ходить в церковь.

— Видите ли, мистер Коуви, я никогда не ходил в церковь. И говорю не о духовной реинкарнации. Нет, я веду речь о научно доказанной реинкарнации.

— Это тот самый момент, когда вы начинаете терять клиентов, так?

Фарли расхохотался.

— Совершенно верно. Именно на этом предложении.

— Что ж, меня вы пока не потеряли. Продолжайте.

— Все это очень сложно, но я постараюсь вычленить самую суть, и с минимумом биологии.

Старик отпил кофе и махнул рукой доктору, чтобы тот не останавливался.

— Фонду принадлежит патент на процесс, известный как регенеративное воспроизводство нервных стволовых клеток… Я знаю, это название вязнет на зубах. Между собой мы называем его клонированием сознания.

— Объясните.

— Что такое сознание? Вы оглядываете комнату, видите вещи, ощущаете запахи, реагируете. Думаете. Я сижу в той же комнате, но смотрю на другое, или на то же, а реагирую иначе. Почему? Потому что мозг каждого человека уникален. Фонд разработал способ получить полную генетическую карту вашего мозга, а потом запрограммировать рост клеток эмбриона таким образом, чтобы на выходе получился абсолютный дубликат. После того, как вы умрете, ваше сознание полностью возродится в младенце. Вы… вновь обретете жизнь. По существу, ваш мозг пересадят в другое тело.

— И как же вы это делаете? — прошептал старик.

— Процесс трехэтапный. Во-первых, мы «вычерчиваем» точную карту структуры вашего мозга, какая она сейчас… тех его участков, где находится сознание. Для этого мы используем суперкомпьютеры и МР-томографы.

— МР-томографы… это какой-то новомодный рентген, так?

— Магнито-резонансная томография. Так мы получаем точную карту структуры вашего сознания. Потом — этап два: вы знаете, что такое гены, не так ли? Они — чертежи наших тел, их содержит каждая клетка. Так вот, гены не только определяют цвет волос, рост и предрасположенность к некоторым болезням, но также и формирование мозга. По достижении определенного возраста, ген, отвечающий за формирование мозга, отключается. Формирование вашего мозга закончилось, и далее он остается неизменным. Вот почему ткань мозга не восстанавливается. Второй этап заключается в извлечении и возобновлении деятельности гена формирования мозга. Потом мы имплантируем этот ген в зародыш.

— Вы клонируете меня?

— Нет, не ваше тело. Мы используем донорские сперму и яйцеклетку и суррогатную мать. Все это проделывается в клинике, которая примыкает к зданию Фонда. Вас «помещают», так мы это называем, в хорошую семью из того же социально-экономического слоя, к которому вы сейчас принадлежите.

Коуви вроде бы хотелось сомневаться в реальности предложения Фарли, но пока он слушал с интересом.

— Последний этап — химическое и электромагнитное воздействие,

обеспечивающее развитие мозга в точном соответствии с ранее сделанной картой структуры вашего мозга. Стимулируем развитие одних клеток, подавляем другие. И когда вы рождаетесь вновь, ваше восприятие мира будет точно таким же, как и сейчас. Ваши чувства, интересы, желания.

Вы не будете похожи на себя. Тело будет другим. Хотя вы останетесь мужчиной. Мы на этом настаиваем. Изменять пол — не наша работа.

— Меня это вполне устраивает, — кивнул Коуви. — А вы можете разобраться с болезнями? У меня рак кожи. И, само собой, больное сердце.

— Мы этого не делаем. Не создаем супермужчин или суперженщин. Мы просто переносим ваше сознание в следующее поколение, в том самом виде, какое оно сейчас.

Коуви задумался.

— Я буду помнить встречу с вами? У меня останутся воспоминания об этой жизни?

— Ах, воспоминания… Поначалу мы об этом ничего не знали. Но, похоже, да, воспоминания у вас останутся, что-то вы будете помнить, потому что воспоминания впечатываются в некоторые части мозга. Мы не можем сказать, какой объем воспоминаний у вас останется, потому что нашим первым клиентам сейчас три-четыре года, их второй жизни, разумеется, и у нас еще нет возможности получить от них полную информацию.

— Вы действительно это делаете? — прошептал Коуви.

Фарли кивнул.

— Да, мистер Коуви. И во все большем масштабе.

— А если я тронусь умом? Эта овечка, которую они клонировали, умерла. У нее отказали все жизненно важные органы.

— Нет, у нас такого случиться не может, потому что, как я и объяснил, мы контролируем развитие. На каждом этапе.

— Господи, — прошептал Коуви. — Так это не шутка?

— Нет, нет, отнюдь.

— Давайте предположим, что ваш метод работает… Процедуру придется повторять каждые семьдесят лет?

— Мы даем пожизненную гарантию, даже если жизнь будет длиться десять тысяч лет. Фонд «Лотос» остается на связи со всеми своими клиентами. Мы сможем переселять ваше сознание в новый зародыш снова и снова, сколько вы захотите.

— А как я узнаю, что вы по-прежнему функционируете?

Добродушный смешок.

— Мы предлагаем товар, на который всегда будет неограниченный спрос. Такие компании не сворачивают дела и не уходят из бизнеса.

Коуви пристально смотрел на Фарли.

— То есть мы подошли к оплате ваших услуг.

— Как вы понимаете…

— Вечная жизнь стоит недешево. Назовите сумму.

— Половина вашего состояния, минимум — десять миллионов.

— Половина? Это примерно двадцать восемь миллионов. Но не наличными. Недвижимость, акции, облигации. Я не могу просто выписать чек.

— Чек нам и не нужен. Мы стараемся не привлекать к себе внимания. В будущем мы рассчитываем предложить наши услуги большему числу людей, но пока расходы столь велики, что мы можем работать только с очень богатыми клиентами... И, будем реалистичны, в этой программе мы предпочитаем таких, как вы.

— Как я?

— Скажем так, тех, у кого генофонд лучше, чем у большинства.

Коуви хмыкнул.

— И как производится оплата?

— По завещанию вы оставляете деньги одной из наших благотворительных организаций.

— Благотворительной организации?

— Фонд основал их несколько десятков. В конце концов, деньги придут к нам.

— Значит, вы не получите деньги, пока я не умру.

— Совершенно верно. Некоторые клиенты ждут, пока не умрут от болезни. Но большинство изменяют завещание, а потом уходят.

— Уходят?

— Сводят счеты с жизнью. Тем самым избегая мучительного конца. И, разумеется, чем быстрее они уйдут, тем быстрее вернутся.

— И сколько человек так сделали?

— Шесть.

Коуви посмотрел в окна, на деревья в Центральном парке, ветви которых трепал сильный ветер.

— Это какое-то безумие. Сумасшествие.

Фарли рассмеялся.

— Я бы принял вас за психа, если бы вы так не подумали... Пойдемте, я покажу вам нашу лабораторию.

Поставив чашку с недопитым кофе, Коуви последовал за доктором, и они подошли к массивной двери, за которой находился научно-исследовательский комплекс Фонда. Фарли показал суперкомпьютеры, генетическую лабораторию, криогенный участок. В лабораторию, где поддерживалась идеальная стерильность, они, само собой, войти не смогли. Через окна в коридоре посмотрели на полдюжины мужчин и женщин в масках и белых халатах, которые вставляли пипетки в трубки, выращивали культуры в чашках Петри, склонялись над микроскопами.

Фарли отметил, что Коуви заинтригован, но стена сомнений еще не сломана.

— Давайте вернемся в кабинет, — предложил он.

Когда они вновь сели, Фарли — за стол, Коуви — в кресло, последний, наконец, сказал:

— Я об этом подумаю.

Фарли, улыбнувшись, кивнул.

— Еще бы. Такое решение... Некоторые люди просто не могут заставить себя поставить под всем этим свою подпись. Спешить тут незачем. — Он протянул Коуви большущую папку. — Вот здесь вы найдете полученные нами результаты, сравнение генетических данных для наших клиентов, ушедших из своей первой жизни и начавших вторую, интервью с ними. Идентифицировать их невозможно, но вы прочитаете о детях и о самом процессе. Что особенно приятно, вам нет необходимости прощаться с вашими близкими. Скажем, у вас есть сын или дочь... мы сможем связаться с ними, когда они станут старше, и предложить им свои услуги. А вы через сотню лет вновь увидитесь с ними.

При словах «сын или дочь» Коуви поднял голову и моргнул. Потом отвел взгляд.

— Ну, не знаю...

— Мистер Коуви, вот что я вам скажу. Мне понятен ваш скептицизм. Но вы же сказали мне, что вы — бизнесмен? Вот я и буду говорить с вами как с бизнесменом. Конечно, у вас есть сомнения. У кого их нет? Но, даже если вы уверены не на все сто процентов, если думаете, что я пытаюсь продать вам мыльный пузырь, что вы потеряете? Все равно вам умирать. Так почему не бросить кости, не пойти на риск? — Он выдержал паузу и увидел, что его слова дают требуемый эффект. — А теперь, если вы меня извините, мне нужно сделать несколько важных телефонных звонков. Вот тут — комната отдыха. Посидите, почитайте, чего нам удалось добиться.

Коуви с папкой в руках прошел в указанную Фарли комнату. Дверь за ним закрылась.

Фарли уже понял, что старик дотошный и обстоятельный. Соответственно, дал ему сорок пять минут на знакомство с находящимися в папке материалами. Наконец, поднялся из-за стола, подошел к двери в комнату отдыха, открыл ее. Коуви встретил его со словами:

— Я на это пойду. Хочу пойти.

— Я очень за вас рад. — Искренность в голосе Фарли не вызывала сомнений.

— И что мне теперь делать?

— Вам нужно пройти МР-томографию и сдать кровь на анализ.

— Вам не понадобится часть моего мозга?

— Этим-то и замечательны гены. Каждого из нас можно полностью воссоздать по одной клетке крови.

Коуви кивнул.

— Потом вы измените ваше завещание, а благотворительные

организации мы возьмем из этого списка. — Фарли раскрыл одну из папок, лежащих на столе, и достал список благотворительных организаций, созданных Фондом в последнее время. — Какие вам нравятся? Вам нужно выбрать три или четыре. Они должны соответствовать вашим интересам в этой жизни.

— Вот. — Коуви обвел кружком три названия. — Самую большую сумму я оставлю «Метрополитенской ассоциации содействия искусству». Вероника, моя жена, была художницей. Так можно?

— Конечно. — Фарли переписал названия выбранных организаций и их реквизиты на отдельную карточку, протянул Коуви. — Отдайте вашему адвокату.

Старик кивнул.

— Его офис в нескольких километрах отсюда. Я смогу увидеться с ним прямо сейчас.

— А потом принесите нам копию завещания.

— А как насчет... ухода?

— Это ваш выбор, — ответил Фарли. — Исключительно ваш. Завтра или годом позже. Когда вы сочтете нужным.

У двери Коуви остановился, повернулся, пожал Фарли руку и рассмеялся.

— Кто бы мог подумать? Навсегда остаться среди живых.

Фарли сидел за столом в своем кабинете фонда «Лотос» и смотрел на стоящую на столе фотографию обнявшейся молодой пары. Фотография тех же людей, только постарше, стояла на бюро позади стола. Его родители. Они погибли в автокатастрофе, когда он учился в медицинской школе.

Их единственному сыну, который очень любил родителей, потребовались месяцы, чтобы оправиться от шока. А когда Фарли смог продолжить учебу, то решил специализироваться на медицине экстренной помощи, посвятить свою жизнь спасению людей, получивших тяжелые травмы.

Но молодого человека отличал блестящий ум, и он не мог полностью реализовать себя в отделении экстренной хирургии. Лежа без сна долгими ночами, думая о погибших родителях, он находил хоть малое утешение в том, что биохимически они продолжали жить в нем. Так у него развился интерес к генетике, и он с головой ушел в эту науку.

Месяцы, потом годы маниакальных, по двенадцать часов в день, исследований привели ко многим открытиям, не выходящим за рамки закона. Но при этом у него возникали менее традиционные, если не сказать, странные идеи. К примеру, клонирование сознания.

Не удивительно, что известные в генетике люди или игнорировали, или высмеивали его. Профессиональные журналы отклоняли его статьи, заявки на гранты возвращались. Постоянные отказы не обескураживали Фарли, но не снимали главного вопроса: где взять миллионы и миллионы, необходимые на практическую проверку его гипотез? И

однажды, несколько лет назад, когда он, без цента в кармане, жил в однокомнатной квартире, которую снимал в доме у железной дороги, ему позвонил давний знакомый. Он прослышал о незавидном положении Фарли, и у него возникла интересная идея.

— Ты хочешь добыть деньги на свои исследования? — спросил он обедневшего коллегу. — Это просто. Найди действительно больных, действительно богатых пациентов и продай им бессмертие.

— Что?

— Нет, нет, ты послушай, — продолжал давний знакомый. — Найди пациентов, которые все равно вскорости умрут. Они же будут в отчаянии. Если правильно преподнести твой товар, они его купят.

— Мне пока нечего продавать, — ответил Фарли. — Я верю, что смогу этого добиться. Но на достижение практического результата могут уйти годы.

— Что ж, иногда приходится поступаться принципами. Ты можешь зарабатывать десять, двадцать миллионов долларов в день. На такие деньги можно оснастить отличную лабораторию.

Фарли молчал, обдумывая эти слова. Потом сказал:

— Я могу сохранить образцы тканей и, когда клонирование станет возможным, оживлю их первыми.

— Мудрое решение, — заметил знакомый.

— Тогда по рукам, — сказал Фарли своему коллеге, Энтони Шелдону, из кардиологического отделения Уэстбукской больницы, не только блестящему кардиохирургу, но и ловкому предпринимателю.

Вот так, пятью годами раньше, они основали фонд «Лотос», клинику и россыпь псевдо-благотворительных организаций. Доктор Шелдон, кабинет которого располагался рядом с Центром поддержки кардиологических больных, сумел изыскать возможность заглядывать в файлы пациентов, которые обращались в Центр, и выбирал самых богатых больных. Потом разными способами направлял их в фонд «Лотос», где Фарли продавал им возможность навсегда остаться среди живых.

Фарли сомневался, что кто-нибудь купится на эту уловку, но Шелдон как следует натаскал его. Продумал все до мелочей. Нашел индивидуальный подход к каждому из потенциальных клиентов и снабдил Фарли необходимой информацией. В случае Бенсонов, к примеру, Шелдон узнал о том, что они сильно любили друг друга. Вот Фарли и взял их тем, что они смогут навсегда остаться друг с другом. Так они и написали в предсмертной записке. Из медицинской карты Роберта Коуви в ЦПКБ Шелдон выяснил, что у того есть сын, отношения с которым не складываются, вот Фарли и ввернул, что у клиента может появиться еще одна возможность встретиться со своими детьми.

Шелдон позаботился и еще об одном важном моменте. Настоятельно требовал, чтобы потенциальные клиенты получали значительную дозу «Люминакса» (им сдабривались кофе, чай, другие

напитки, которые подавали в Фонде). Оба доктора правомерно полагали, что без легкого наркотического опьянения человеку трудно подписаться под такой заумной идеей, как клонирование сознания.

Но решающим фактором, конечно же, было другое: отчаянное желание людей, стоящих на пороге смерти, поверить в то, что обещал им Фарли.

И, один за другим, люди ловились на этот крючок. За пять лет фонд «Лотос» заработал около 93 миллионов долларов.

Все шло хорошо до последнего времени, пока они не потеряли чувство меры. Вернее, его потерял Шелдон. Ранее они договорились, что кардиолог никогда не будет направлять в Фонд своих пациентов, а после того, как кто-то согласится обрести бессмертие, будут выдерживать паузу в шесть месяцев, а то и в год. Но у Тони Шелдона то ли появилась любовница с очень большими запросами, то ли он крупно проигрался на бирже. И так уж вышло, что сразу после Бенсонов появились Уитли, куда как более богатая чета, и Фарли с неохотой уступил уговорам Шелдона познакомить с достижениями Фонда и их.

Но они узнали, что Уитли, пусть ему и не терпелось стать участником программы, хотел убедиться, что его не надуют, а потому заказал специальную литературу по компьютерам, использующимся в генетических исследованиях, и по самой генетике. После смерти пациентов Фарли и Шелдону пришлось собрать все находящиеся в доме материалы, сжечь в камине и обыскать весь дом в поисках улик, которые могли вывести на Фонд.

Их вторжение в дом, возможно, насторожило полицию, которая и начала расследование обоих самоубийств. Копы допросили Шелдона, нагнав страху на Фарли. Но потом ситуацию разрядило появление козла, точнее, козы отпущения: Мак Маккэффри, молоденькой медсестры/консультанта Центра поддержки кардиологических больных. Она курировала их последнего потенциального кандидата на участие в программе, Роберта Коуви, а ранее консультировала как Бенсонов, так и Уитли. И благодаря этому попала в список подозреваемых. Ее положение усугубило и нежелание признаваться в том, что она консультировала Бенсонов. После самоубийства последних медсестра солгала насчет того, что виделась с ними, и выкрала из ЦПКБ медицинскую карту Бенсона. То есть сама подставила себя под удар. А потом Шелдон воспользовался своими связями и через фармацевта ЦПКБ получил пару бутылей, в которых Центр покупал «Люминакс», и бросил в них несколько таблеток. Бутыли он спрятал в доме Маккэффри, дабы все выглядело так, словно она накачивала пациентов «Люминаксом», а потом уговаривала покончить с собой. Фарли, для которого смерть и старение стали навязчивой идеей, собрал целую библиотеку статей по самоубийствам и эвтаназии. С десяток ксерокопий таких статей они оставили в гараже Маккэффри, вместе с бутылями из-под «Люминакса», на случай, если им понадобится человек, на

которого они могли бы взвалить всю вину.

В этом их план удался. Маккэффри арестовали и посадили за решетку.

Конечно, арест медсестры сильно огорчил Фарли. Он даже размышлял вслух о том, что полиции нужно сообщить о ее невиновности. Но Шелдон доходчиво объяснил ему, что за этим последует, и Фарли отказался от своего первоначального намерения…

— Слушай, — сказал ему Шелдон, — мы сделаем это еще раз, с этим Коуви, а потом возьмем паузу. На год. На два.

— Нет. Давай подождем.

— Я его проверил, — упорствовал Шелдон. — Он стоит более пятидесяти миллионов.

— Я считаю, слишком рискованно.

— Я уже думал об этом. Поскольку полиция расследовала самоубийства Бенсонов и Уитли, — объяснил Шелдон, — будет лучше, если старика убьют при ограблении, или он попадет под машину.

— Но, — Фарли перешел на шепот, — ты предлагаешь убийство.

— Третье самоубийство вызовет очень уж сильные подозрения. Мы не можем. Слишком поздно говорить о морали, доктор, — рявкнул Шелдон. — Ты заключил сделку с дьяволом. Так что, теперь говорить не о чем, — и он бросил трубку.

Фарли какое-то время кипел, а потом понял, что Шелдон прав: пути назад уже не было. Он представил себе, с какой пользой удастся использовать в лаборатории дополнительные двадцать восемь миллионов…

Секретарша связалась с ним по аппарату внутренней связи.

— Мистер Коуви вернулся, сэр.

— Пригласи его ко мне.

Коуви вошел в кабинет. Они вновь обменялись рукопожатием. Веселый и радостный, как и большинство пациентов после принятия семидесяти пяти миллиграммов «Люминакса», Коуви с удовольствием взял еще одну чашку щедро сдобренного препаратом кофе, сунул руку в карман пиджака и достал копию дополнения к завещанию.

— Это вам.

Хотя Фарли не был юристом, он знал, куда нужно смотреть. И сомнений в том, что документ оформлен правильно, у него не возникло.

Он провел Коуви в лабораторию, чтобы ему сделали МРТ и взяли анализ крови, и удовлетворенно добавил, что тот принял правильное решение. Коуви искренне поблагодарил Фарли, с его лица не сходила улыбка, но Фарли понимал, что причина, по большей части, в «Люминаксе». Вернувшись в кабинет, он снял трубку и позвонил Энтони Шелдону:

— Коуви изменил завещание. Он уйдет где-то через пятнадцать минут.

— Я о нем позабочусь, — ответил Шелдон, и в трубке раздались

гудки отбоя.

Роберт Коуви, в превосходном настроении, шел по улице. Странные мысли галопом мчались у него в голове.

Он думал о своей жизни… О людях, которые были ему небезразличны, которым не был безразличен он. Бригадир на заводе «Бедфорд», проработавший в компании сорок лет… Друзья по четверке гольфистов… столько раз они проходили все восемнадцать лунок… Вероника… его брат…

Его сын, разумеется.

Рэнди так и не позвонил. И, возможно, впервые Коуви понял, по какой причине мальчик, точнее, молодой человек, игнорирует его. Он-то всегда полагал, что был хорошим отцом. А может, это лишь его мнение. Надо бы хорошенько об этом подумать.

Да, стоит кому-то предложить тебе бессмертие, как ты сразу начинаешь разглядывать свою жизнь через увеличительное стекло.

Он рассмеялся. Может, рассказать ему о разговоре с Фарли. Господи, ему очень хотелось бы увидеть реакцию Рэнди! Он мог бы…

Шагая к автостоянке, Коуви заметил, что улица практически пустынна. Он обратил внимание на двух мужчин крепкого телосложения в дешевых костюмах, которые зашагали к нему.

Коуви замедлил шаг, нахмурился…

Что это?

Он остановился и попятился. Мужчины разделились. Один повернулся спиной к Коуви, оглядывая тротуар, второй мчался прямо на него. Одновременно оба выхватили из-под пиджаков пистолеты.

Нет!

Коуви повернулся, хотел побежать, но успел подумать, что бег может убить его быстрее, чем пули. Но это уже не имело значения. Прежде, чем Коуви успел сделать хоть шаг, мужчина схватил его и потащил в проулок между домами.

— Что вы делаете? Кто вы?

— Тихо! — Мужчина прижал Коуви к стене.

Второй присоединился к ним, продолжая оглядывать улицу и одновременно говоря по рации: «Мы его взяли. Плохишей не видать. Всем патрульным экипажам, начинайте!»

Тут же с обеих сторон улицы донесся рев двигателей и вой сирен.

— Извините, мистер Коуви. План пришлось изменить, — говорил мужчина, затащивший его в проулок. Оба показали ему бляхи и удостоверения сотрудников Управления шерифа округа Уэстбрук. — Мы работаем у Грега Ла Ту.

Ах, Ла Ту… Здоровяк-детектив, который этим утром приходил в его дом с худощавым молодым полицейским, Толботом Симмсом, чтобы рассказать занимательную историю. Некая организация, фонд «Лотос», занималась противоправной деятельностью, выуживая деньги из больных людей, но полиция не знала, как именно они это делают. С ним

никто не связывался из этой организации? Когда Коуви подтвердил, что связывались, и на сегодня у него назначена встреча с директором, они задали другой вопрос: не возьмет ли он с собой «жучок», чтобы они могли узнать, как все происходит?

Что ж, вся эта сказочка про бессмертие… они классно все обставили.

Затрещала рация одного из копов. Несмотря на помехи, Коуви расслышал сообщение о том, что доктор Энтони Шелдон арестован в своем кабинете. Они вышли из тупика. Коуви увидел, как копы выводят из здания фонда «Лотос» Уильяма Фарли и еще троих мужчин. Запястья всех стягивали наручники. Будучи прирожденным бизнесменом, Роберт Коуви не мог не отдать должное человеку, нашедшему товар, на который всегда будет спрос. Даже если товар этот обернулся пустышкой.

Капитан Демпси сидел в кабинете, играя то с одним закатанным рукавом, то с другим. Тут же был и Ла Ту, правда, его ноги на этот раз оставались на полу.

— Как вы вышли на их аферу? — спросил капитан. — Фонда «Лотос»?

— Кое-что не складывалось.

И Тол объяснил, что не мог выкинуть из головы Мак Маккэффри, после того, как они вернулись в Управление.

— Умеют женщины вот так действовать на мужчин, — вставил Ла Ту.

— Нет, мне не давали покоя странности этого дела. Неувязки. Я позвонил в группу осмотра. В портвейне, который Мак давала Коуви, «Люминакса» не было. Потом я пошел в ее камеру. Она призналась, что солгала насчет Бенсонов. Сказала, что стерла файл Бенсона в компьютере Центра поддержки кардиологических больных, забрала оттуда медицинскую карту, и именно ее видели свидетели около дома Бенсонов в тот день, когда они покончили с собой. Но лгала она только потому, что боялась потерять работу: два ее подопечных покончили с собой, тогда как ей казалось, что они в полном порядке. Случившееся потрясло ее до глубины души. Вот почему она купила эту книгу про самоубийства. Купила после того, как я рассказал ей о существовании такой книги. Она хотела знать, каковы признаки того, что человек хочет совершить самоубийство, чтобы остановить его.

— И ты ей поверил? — спросил капитан.

— Да, поверил. Спросил Коуви, заводила ли она с подопечным разговор о самоубийстве? Создалось ли у него впечатление, что она пытается убедить его покончить с собой? Он ответил, что нет. На той встрече, когда мы арестовали ее, она говорила лишь о том, как сложно пройти через тяжелую болезнь в одиночестве. Она узнала, что он не позвонил Рэндоллу и ничего не сказал о предстоящей операции. Она дала ему портвейн, чтобы он расслабился, и пыталась уговорить позвонить сыну.

— А эти статьи об эвтаназии? — спросил капитан. — Которые вы нашли в ее доме?

— Подброшены. Ее отпечатков пальцев нет, только пятна от перчаток. И на украденных бутылях «Люминакса» никаких отпечатков. И, согласно проверке, эти бутыли исчезли из ЦПКБ, когда Мак не было в городе. Нет, она не имеет к этой истории никакого отношения. Тут замешаны только Фарли и Шелдон.

— Хороший план, — вставил Ла Ту. — Подсыпать пациентам наркотик, заставить их изменить завещание, дать покончить с собой, а потом замести следы.

— Они все делали сами? Фарли и Шелдон?

Ла Ту покачал головой.

— Они должны были нанять бандитов для выполнения грязной работы. Четверых мы арестовали. Но они пока молчат. — Ла Ту вздохнул. — И у них — лучшие адвокаты в городе. Неудивительно, с такими-то деньжищами.

— В общем, я знаю, что Мак подставили, — продолжил Тол. — Но мы еще не понимали, что происходит. Знаете, когда решаешь задачу по алгебре, обычно ищешь общий знаменатель и...

— Опять эта математика, — пробурчал Ла Ту.

— Так вот, какой знаменатель здесь? У нас две супружеские пары, которые покончили с собой и оставили крупные суммы благотворительным организациям, более половины своего состояния. Я посмотрел в статистику Эн-а-пэ-эс-з.

— Эн...

— Национальной ассоциации профессиональных составителей завещаний. Когда у людей есть дети, благотворительным организациям оставляется только два процента состояния. И даже если детей нет, эти организации получают только двенадцать процентов крупных, более десяти миллионов, состояний. Поэтому у меня и возникло желание узнать, а что же это за благотворительные организации, которым Бенсоны и Уитли оставили по половине своего состояния. Я позвонил одному парню из Комиссии по ценным бумагам, с которым работал, и он соединил меня с регистраторами благотворительных организаций в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Массачусетсе и Делавере. Вот так и выяснилось, что все благотворительные организации, которые появились в новых завещаниях Бенсонов и Уитли, принадлежат фонду «Лотос». А этот фонд контролируется Фарли и Шелдоном. Я их проверил. На Шелдона, богатого кардиолога, пару раз подавали в суд за недобросовестную практику. Расследовались и его действия на бирже, на предмет использования инсайдерской информации. Фарли? Очень интересный тип. Псих. Старался получить деньги под какую-то безумную теорию клонирования. Я нашел его фамилию на визитной карточке в доме Уитли. Что-то связанное с альтернативным лечением, но без конкретики.

Ла Ту рассказал, что они проверили других пациентов Центра поддержки кардиологических больных, чтобы узнать, кто еще слышал о

Фонде. Так они вышли на Коуви.

— Бессмертие, — медленно произнес Демпси. — И люди на это западали.

«Навсегда остаться друг с другом».

— Ну, не забудьте, что их опаивали «Люминаксом», — напомнил Тол.

Но Ла Ту предложил более реалистичный ответ:

— На что людям хочется запасть, на то они и западают.

— Маккэффри уже освободили? — спросил Демпси.

— Да, конечно. Все обвинения с нее сняты, — ответил Тол и оглядел свой стол. — Я собираюсь покончить с бумажной работой и передать все прокурору. А потом вновь займусь статистикой.

Он успел перехватить короткие взгляды, которыми обменялись капитан и Ла Ту, и задался вопросом, а что бы это значило.

День выдался слишком хорошим, чтобы сидеть под крышей, потому Мак Маккэффри и Роберт Коуви отправились в парк. Тол заметил их на скамье, у пруда с утками. Помахал рукой и направился к ним.

У Коуви, как призналась Мак Толу, дела шли очень даже неплохо. Давление снизилось, и он ждал операции с хорошим настроением. Рассказывая об этом Толу, она нарушала инструкции Центра поддержки, но оправдывала себя тем, что Тол — сотрудник полиции, расследующий преступление, касающееся ее пациента. Вторая причина состояла в том, что Толу Коуви нравился, и он тревожился из-за самочувствия старика.

Мак также сказала ему, что Коуви, наконец-то, позвонил своему сыну и оставил сообщение о своем состоянии и грядущей операции. Ответа не было, но однажды Коуви позвонили по межгороду, определитель номера выдал такую надпись, но ничего не наговорили на автоответчик. Мак придерживалась оптимистичного мнения, что звонил сын, а сообщение не оставил, потому что хотел лично поговорить с отцом. Но точно разрешить эту загадку могло только время.

Час тому назад, сидя в своем кабинете, Тол не слишком внимательно слушал щебетание Мак о самочувствии ее пациента. Чего он ждал, так это подходящего момента, чтобы ввернуть в разговор приглашение на обед. Но такой момент все не наступал, а потом Мак сказала, что пора ставить точку: она опаздывает к Коуви. Тол едва успел договориться о встрече в парке.

Он присоединился к ним, и она одарила его улыбкой, которая ему так нравилась.

— Привет, — поздоровался он.

— Детектив. — Роберт Коуви пожал ему руку.

Тол принялся объяснять ему, что полиции нужны его показания, подписанные и заверенные нотариально, поскольку он — единственный, кто ознакомился со специальной программой фонда «Лотос» и остался в живых.

— Тогда у вас будет достаточно улик, чтобы надолго засадить за решетку этих мерзавцев, даже если я отдам концы под ножом хирурга?

— Ну... — пожал плечами Тол.

— Не волнуйтесь. Я с радостью все подпишу.

Тол передал ему документ.

— Прочитайте внимательно, поправьте там, где сочтете нужным. Я распечатаю окончательный вариант, и мы заверим его у нотариуса.

— Хорошо. — Коуви убрал бумаги в карман и встал. — Как насчет того, чтобы выпить? Тут есть бар...

— Кофе, чай или минералка, — решительно заявила Мак. — Еще и полдень не наступил.

— Она заявляет, что готова к переговорам, — поделился Коуви с Толом. — Но это не так. — Старик указал на маленькое кафе на вершине невысокого, пологого холма. — Кофе там неплохой.

— Не откажусь, — кивнул Тол.

— Я выпью большую чашку со сливками.

— Он выпьет обычную чашку и с обезжиренным молоком, — поправила старика Мак. — А я — чай. С сахаром.

В сотне ярдов от скамьи, на которой беседовали эти трое, по парковой дорожке шла молодая женщина. С рыжеватыми, коротко стриженными волосами, высокой грудью, симпатичная, с браслетом на правом запястье и кольцом с бриллиантами и изумрудами, ярко сверкающими на солнце.

Она шла, не поднимая головы, чтобы никто не мог видеть слез в ее глазах.

Маргарет Ладлем плакала уже несколько дней, с того момента, как арестовали доктора Энтони Шелдона, ее любовника и босса.

Новость о его аресте (и Фарли тоже) Маргарет встретила с ужасом, понимая, что она, скорее всего, будет следующей. В конце концов, именно ее Шелдон и Фарли посылали в качестве представителя фонда «Лотос» к тем семейным парам, которые намеревались покончить с собой. Именно она несколько последних недель их пребывания в этом мире сначала опаивала супругов «Люминаксом», потом предлагала купить книги с полезными советами самоубийцам, а когда они сводили счеты с жизнью, увозила из дома все улики, так или иначе связывающие покойников с Фондом.

Полиция взяла у нее показания — она отрицала все и вся — и отпустила. Понятное дело, они понимали, что у Шелдона и Фарли был сообщник, но, похоже, предполагали, что это кто-то из исследовательской группы, которая работала в лаборатории. Возможно, думали, что беззащитных людей может убить только мужчина.

И ошибались. Маргарет нисколько не терзалась угрызениями совести, способствуя самоубийствам. На днях она едва не убила Роберта Коуви, когда тот шел по улице, покинув здание Фонда. Уже направлялась к нему, когда рядом остановилась машина, из которой

выскочили двое мужчин и затащили старика в проулок. И тут же другие копы ворвались в Фонд. Она сразу же нырнула в боковую улицу и по мобильнику позвонила Шелдону, чтобы предупредить его. Но опоздала. Они поджидали его у дверей кабинета в больнице и схватили, едва он перешагнул порог.

И да, тогда она хотела убить Коуви.

Точно так же, как хотела убить его сейчас.

Она наблюдала, как детектив, который приходил в больницу, чтобы побеседовать с Тони Шелдоном, по тропинке направляется к кафе на холме. Ее это не волновало. Его она убивать не собиралась.

Только Коуви. Шелдон объяснил, что без показаний старика прокурору будет куда сложнее доказать вину подсудимых. Он мог сразу выйти на свободу или получить небольшой, несколько лет, срок. Именно столько обычно давали за содействие самоубийцам. Кардиолог обещал, что тогда точно разведется, и он и Маргарет переберутся в Европу… Они уже несколько раз ездили на юг Франции, и какие прекрасные это были недели. Ох, как же ей его недоставало!

Разумеется, недоставало и денег. И по этой причине она хотела вытащить Тони из тюрьмы. Она давно собиралась убедить Тони открыть ей счет и положить на него кругленькую сумму. Но все тянула и тянула, вот и осталась ни с чем.

В сумочке, которая прижималась к ее бедру, лежал тяжелый автоматический пистолет, из которого она намеревалась убить Коуви несколько дней назад. Стрелять из пистолета она умела: помогала застрелиться нескольким другим клиентам фонда «Лотос». И хотя сама ни разу не нажимала на спусковой крючок и никого не убивала, знала, что сможет это сделать.

Слезы высохли. Она уже обдумывала, как и откуда будет стрелять. Ее целью был Коуви, но умереть предстояло и женщине: нельзя оставлять в живых свидетелей. Впрочем, двойное убийство только сбило бы полицию с толку. Выглядело бы, как ограбление. Маргарет решила, что потребует у женщины сумочку, а у Коуви — бумажник, а когда ей все отдадут, пустит им по пуле в голову.

Остановившись у дерева, Маргарет оглядела парк. Несколько человек прогуливались по дорожкам, достаточно далеко от скамьи, на которой сидели Коуви и женщина. Детектив поднимался на холм, от скамьи его отделяли двести ярдов. Она могла убить их обоих и уже усесться за руль своего спортивного автомобиля до того, как он вернулся бы к скамье.

Маргарет подождала, пока детектив исчезнет меж деревьев, в тени которых находилось кафе, сунула руку в сумочку. Сняла пистолет с предохранителя. Вышла из-за дерева и быстрым шагом направилась к скамье.

Асфальтовая дорожка, влажная от утреннего дождика, вела ее к цели.

Двадцать футов… десять.

Она подошла к скамье и встала позади. Они повернулись и подняли головы. На лице женщины появилась улыбка, но быстро исчезла под ледяным взглядом Маргарет.

— Кто вы? — В голосе слышалась тревога.

Маргарет Ладлем не ответила. Зато вытащила из сумочки пистолет.

— Бумажник! — она нацелила пистолет старику в лицо.

— Что?

— Давай свой бумажник! — Маргарет повернулась к женщине: — А ты — сумочку! Быстро!

— Вы хотите…

Они пребывали в явном замешательстве.

— Быстро! — повторила Маргарет.

Женщина отдала ей сумочку и встала, вытянув руки перед собой.

— Послушайте, давайте успокоимся.

Старик достал бумажник из внутреннего кармана пиджака и протянул ей трясущейся рукой.

Маргарет схватила и то, и другое, сунула в сумку, которая висела на плече, потом посмотрела в глаза старика и ощутила… не сочувствие, нет, холодную расчетливость, какую чувствовала всегда перед тем, как показать опоенным «Люминаксом» старикам, как держать в руке пистолет или как загерметизировать гараж, дабы окись азота подействовала максимально эффективно.

Тут Роберт Коуви прищурился, и во взгляде его появилось понимание. Он знал, что происходит.

— Не трогай ее. В меня стреляй, пожалуйста. Я не возражаю. Только ее отпусти.

Она нацелила пистолет на Коуви, и в этот момент женщина, которая была с ним, закричала и упала на землю. Указательный палец Маргарет напрягся на спусковом крючке, она зашептала фразу, с которой всегда помогала уйти из этой жизни клиентам фонда «Лотос»: «Да пребудет с вами Госп…»

Увидела далекую вспышку, и тут же кулак или камень ударил ей в грудь.

— Но… что…

То были ее последние слова.

От скамьи его отделяла тысяча ярдов.

Если не миль.

Он видел, как Роберт Коуви и Мак пятятся от женщины, которую он только что убил. Мак вытащила мобильник, уронила, подняла, панически оглядываясь по сторонам.

Тол опустил пистолет.

Мгновением раньше он расплатился за напитки и отходил от прилавка с подносом в руках. Нахмурившись, увидел женщину, которая стояла позади скамьи, наставив что-то на Мак и Коуви. Мак

отшатнулась, потом отдала свою сумочку. Старик тоже что-то протянул женщине, похоже, бумажник.

И вот тут Тол заметил, что в руке женщина держит пистолет.

Сразу понял, что она каким-то образом связана с Шелдоном, Фарли или фондом «Лотос». Рыжеватые волосы... Да! Секретарша Шелдона, неулыбчивая Маргарет. Понял и другое: она пришла, чтобы убить единственного живого свидетеля, который мог рассказать об афере Фонда, а заодно и Мак.

Бросив поднос с чаем и кофе, он выхватил свой пистолет. Хотел побежать к ним, крича на ходу, чтобы испугать ее. Но увидел, что Мак упала на землю, обреченно закрыв голову руками, а Маргарет подалась вперед, выставив перед собой пистолет. Сомнений у него не осталось: сейчас она выстрелит.

Тол снял пистолет с предохранителя, принял боевую стойку и выстрелил, почувствовал отдачу, услышал грохот, потом крики людей, бросившихся врассыпную.

Не сдвинувшись с места, он приготовился ко второму выстрелу, ловя Маргарет в прорезь прицела.

Но тут же увидел, что второго не потребуется.

Тол Симмс медленно положил пистолет в кобуру на ремне, а затем во всю прыть понесся вниз по тропе.

— Извини, ты стоял там?

Тол проигнорировал Грега Ла Ту и в какой уж раз спросил сам:

— Вы в порядке? Точно?

Но коп не отставал.

— Ты был на том холме? Так далеко?

Мак сказала Толу, что она в порядке. Он, тем не менее, обнял ее за плечи. И Коуви сказал, что он в порядке, добавив, что ему как сердечнику такие стрессы противопоказаны.

Маргарет Ладлем успела выстрелить, но рефлекторно, после того, как Тол прострелил ей грудь. Поэтому никого не убила и не ранила. Пуля благополучно вонзилась в землю.

Тол посмотрел на ее тело, теперь прикрытое зеленым брезентом службы судебно-медицинского эксперта, и не ощутил ни печали, ни шока, ни чувства вины. Зато порадовался тому, что Мак и Коуви живы. Опять же, последний фрагмент картинки-головоломки лег на место: Маргарет была связующим звеном между Фондом и пациентами.

Пока эксперты группы осмотра собирали вещественные доказательства и просматривали содержимое сумочки жертвы, Ла Ту вновь принялся за свое:

— Ты стрелял с того холма? Быть такого не может.

Тол поднял голову.

— Да. Стоял около кафе. А что?

Коп повернулся к Мак.

— Он шутит. Хочет меня провести, так?

— Нет, он был там.
— Чертовски дальний выстрел. Подожди... Стволу тебя длинный?
— Не знаю. Какой мне дали. — Тол похлопал рукой по кобуре.
— Три дюйма. Ты сделал такой выстрел из пистолета с трехдюймовым стволом?
— Мы это уже выяснили, Грег. Давай двигаться дальше. — И Тол повернулся к Мак, страшно довольный тем, что она в полном здравии.
— Ты же говорил мне, что не стреляешь, — не унимался Ла Ту.
— Я ничего такого тебе не говорил. Ты это предположил, потому что на днях я не захотел поехать с тобой в тир. Я стрелял всю свою жизнь. В школе был капитаном стрелковой команды.
Ла Ту посмотрел на вершину холма и покачал головой.
— Не верю.
— Ясно, ты хочешь знать, как я это сделал. Есть такой способ.
— Какой? — тут же переспросил коп.
— Очень простой. Просто рассчитываешь соотношение между гравитационной постоянной и средней скоростью ветра за то время, которое требуется пуле на преодоление расстояния от точки А до точки Б, то есть от свободного торца ствола до цели. Понимаешь? Потом умножаешь расстояние на этот корреляционный коэффициент и делишь на массу пули, помноженную на ее скорость в квадрате.
— Ты... — Здоровяк-коп прищурился. — Подожди, ты...
— Это шутка, Грег.
— Сукин сын. Ты меня купил.
— Разве ты не заметил, что для этого не нужно и стараться?
Ла Ту еще раз посмотрел на холм, и с его губ сорвался смешок.
— Давайте возьмем показания у свидетелей. — Он кивнул Роберту Коуви и повел его к своему автомобилю, на ходу крикнув Толу: — Ты возьмешь показания у нее. Не возражаешь, Эйнштейн?
Неделей позже дело фонда «Лотос» приблизилось к завершению, во всяком случае, в части расследования, которым занимался Тол, и он начал думать о других дожидающихся его делах.
Прокурору, однако, хотелось получить письменные показания еще нескольких свидетелей, и он попросил Тола съездить к приемным родителям троих детей, зачатых «в пробирке» в клинике Фонда.
Две из трех пар жили неподалеку, и он быстро управился с ними. Третья пара проживала в Ваврике, маленьком городке по другую сторону Олбани. Тол поехал туда в воскресенье, по живописной дороге вдоль реки Гудзон.
Ваврик и бунгало, в котором жила семейная пара, нашел без труда. Муж и жена, лет двадцати восьми — тридцати, пухленькие, с розовой кожей, скорее напоминали брата и сестру. Поначалу в них чувствовалась настороженность, пока Тол не объяснил, что никто не собирается ставить под сомнение правомерность усыновления ребенка, а их показания требуются для расследования уголовного дела.

Как и другие пары, они рассказали много интересного. Полчаса Тол записывал в блокнот каждое их слово, а потом поблагодарил за то, что они смогли уделить ему время, и прошел к двери мимо веселенькой, в ярких цветах, комнаты.

На пороге стояла трехлетняя девочка. Та самая, что попала в эту семью через Фонд. Очаровательная, светловолосая, сероглазая с личиком-сердечком.

— Это Эми, — сказала ее мать.

— Привет, Эми, — поздоровался Тол.

Девочка застенчиво кивнула.

В одной руке она держала лист бумаги с рисунком, в другой — несколько карандашей.

— Это ты нарисовала? — спросил Тол.

— Да. Я люблю рисовать.

— Я это вижу. У тебя много рисунков. — И он окинул взглядом стены комнаты.

— Вот, — девочка протянула ему рисунок. — Можешь взять. Я только что нарисовала его.

— Ты хочешь подарить его мне? — Тол взглянул на мать, которая согласно кивнула. Несколько мгновений он смотрел на рисунок. — Спасибо, Эми. Мне очень нравится. Я повешу его на стену в своем кабинете.

Девочка просияла.

Тол попрощался с родителями, и десять минут спустя уже ехал по шоссе. А когда добрался до поворота к своему дому, где его ждал воскресный вечер в мире чисел, неожиданно для себя проехал мимо и направился в Управление.

Полчаса спустя снова был в пути. На этот раз ехал в Честертон. Остановился перед двухуровневым домом с ухоженной лужайкой. На подъездной дорожке, в окружении игрушек, лежали два велосипеда. В раздражении Тол подумал, что попал не туда, неправильно переписал адрес. Решил, что нужный ему дом где-то неподалеку, поэтому подошел к двери и позвонил.

Ему открыла симпатичная блондинка лет тридцати семи.

— Добрый день, — улыбнулась она. — Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Я ищу дом Грега Ла Ту.

— Так вы его уже нашли. Привет, я — его жена, Джоан.

— Он живет здесь? — Дом словно сошел со страниц глянцевого журнала.

Она рассмеялась.

— Подождите. Я его позову.

Мгновением позже к двери подошел Грег Ла Ту, в шортах, сандалиях и гавайской рубашке. Переступил порог, закрыл за собой дверь и спросил:

— Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно кое-что тебе рассказать... — Тол замолчал, потому что из-за угла появились две очаровательные светловолосые девочки-близняшки лет восьми и с любопытством уставились на Тола.

— Папа, мяч закатился в кусты. Мы не можем его достать.

— Сладенькие, мне нужно поговорить с моим другом. Через минуту вам помогу.

— Хорошо. — Девчушки исчезли.

— У тебя двое детей?

— Четверо.

— И давно ты женат?

— Восемнадцать лет.

— Но я думал, ты холостяк. Ты же никогда не упоминал о семье. Не носишь кольцо. Твой кабинет, оружие, байкерские постеры...

— Таким я должен быть на работе, — оборвал его Ла Ту. — Ту жизнь и эту я не соединяю. Между ними — глухая стена.

— Так я тебя сильно разозлил, приехав сюда, — только и сказал Тол.

— Лучше бы ты предварительно позвонил. Что же все-таки ты тут делаешь?

— Одну минуту. — Тол достал кейс из машины и вернулся на крыльцо. — Я заглянул на работу и проверил даты первых самоубийств, устроенных Шелдоном и Фарли.

— Несколько лет назад?

— Точно. Одной из первых была Мэри Стемпл. Я о ней слышал, физик из Принстона. Читал некоторые ее статьи. Блестящий ум. Три последних года она занималась излучением далеких звезд и радиацией черных дыр...

— Слушай, у меня бургеры на гриле, — пробурчал Ла Ту.

— Ладно. Понял. Вот это она опубликовала перед самоубийством. — И он показал Ла Ту распечатку статьи с сайта «Журнал современной астрономии»:

«БЕСКОНЕЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СВЕТА

Новый подход к измерению

РАДИАЦИЯ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД

Проф. Мэри Стемпл, доктор наук»

Ла Ту быстренько добрался до конца статьи — нескольких страниц, густо исписанных формулами, с множеством греческих и английских букв и математических символов. Наиболее часто встречался символ бесконечности: ББББ. Он удивленно посмотрел на Тола.

— И что из этого следует?

— А ты послушай. — И Тол рассказал о поездке в Варвик.

А потом показал Ла Ту рисунок, который получил в подарок от Эми. Девочка изобразила Землю, Луну, космический корабль, а вокруг них небо усеивали символы бесконечности, уменьшаясь по мере удаления от Земли, Луны, космического корабля.

«Навсегда...»

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился Ла Ту.

— Мэри Стемпл покончила с собой четыре года тому назад. Девочку зачали в пробирке в клинике Фонда через месяц после ее смерти.

— Господи... — Коп уставился на рисунок. — Ты же не думаешь... Черт, это же невозможно, клонирование сознания. Доктор, с которым мы говорили, так и сказал.

Тол молчал, тоже не сводя глаз с картинки.

Ла Ту покачал головой.

— Нет, нет. Ты знаешь, что они сделали, Шелдон и его девушка? Или Фарли? Они показали ребенку этот символ. Ты понимаешь, этим они хотели доказать потенциальным клиентам, что метод работает. Вот и все.

— Конечно, — не стал спорить Тол. — Так и было... Вероятно.

Какое-то время они постояли, дипломированный математик и закаленный жизнью коп, глядя на рисунок трехлетней девочки.

— Этого не может быть, — еще пробормотал Ла Ту.

— Да, это невозможно. — Тол смотрел на символ бесконечности. Потом повторил. — Вероятно.

— Папа! — крикнули со двора.

— Уже иду, сладенькие, — ответил Ла Ту и повернулся к Толу. — Черт, раз уж ты здесь, заходи. Пообедай с нами. Я жарю отличные бургеры.

Тол обдумывал предложение, но взгляд его притягивал рисунок с Землей, Луной, символами бесконечности.

— Спасибо, но я — пас. Поеду в офис, хочу немного поработать. Все эти материалы, которые мы забрали из Фонда... Надо бы просмотреть их еще разок.

— Как скажешь, Эйнштейн. — Ла Ту уже открыл дверь, но обернулся.

— Еще разок, говоришь?

— Еще разок, — согласился Тол.

Ла Ту переступил порог дома, дверь за ним захлопнулась.